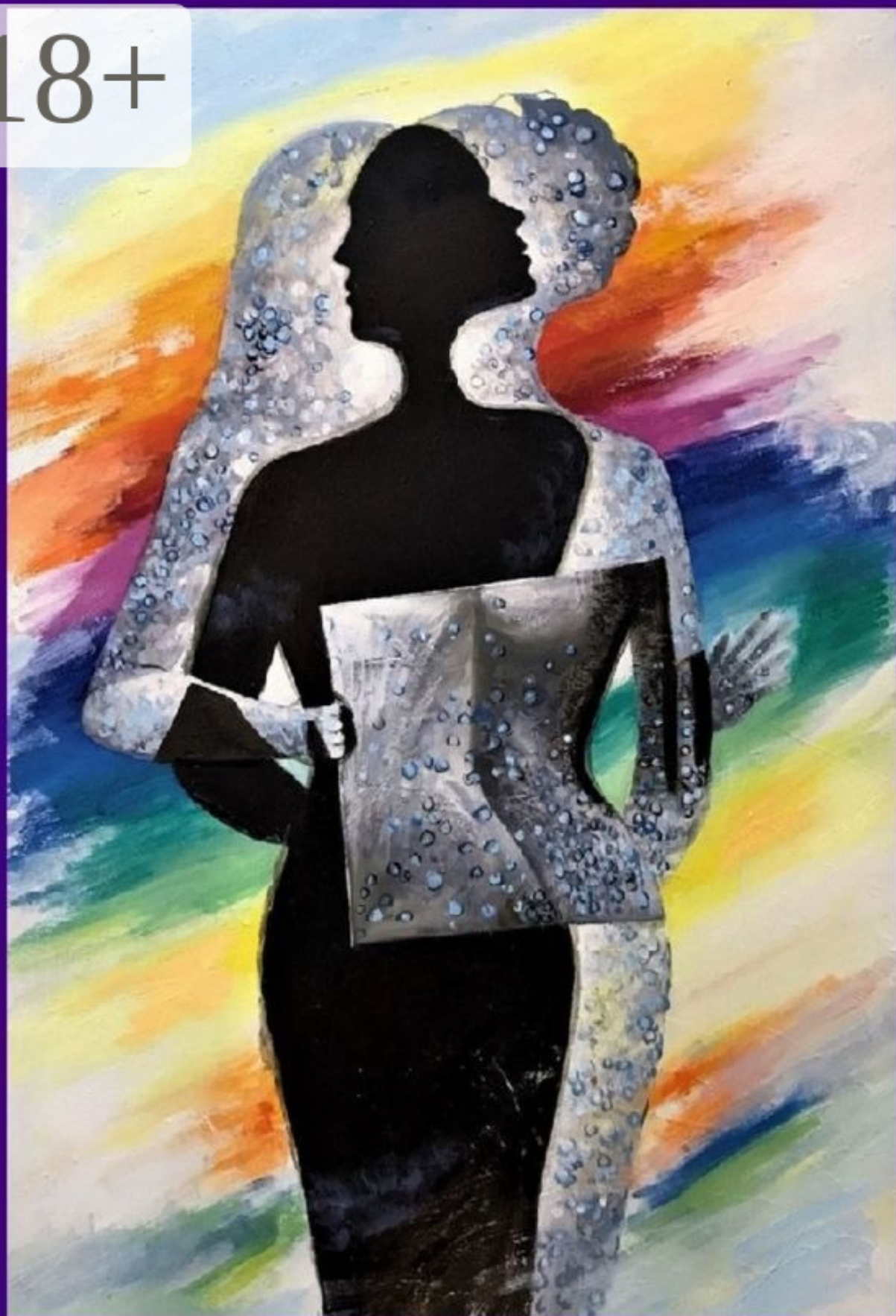

18+

Евгений СКОБЛОВ

ТАНЦЫ НА ЦОКОЛЬНОМ ЭТАЖЕ

ЕВГЕНИЙ СКОБЛОВ

**Танцы на цокольном
этаже. Повести, рассказы**

«Издательские решения»

Скоблов Е.

Танцы на цокольном этаже. Повести, рассказы / Е. Скоблов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514404-1

В книгу включены ранее опубликованные повести «Первая Рыжая» (2018 г.), «Декабрьская Серенада» (2016 г.) и рассказы разных лет. Художник (оформление обложки, иллюстрации) — Евгения КОКОРЕВА, член Творческого Союза художников России и Международной Федерации художников ЮНЕСКО. Дипломант Российской Академии естественных наук. В 2016 году награждена Европейской Академией наук и искусств медалью В. Кандинского за особые заслуги в области изобразительного искусства. С 1990 года участник более 50 художественных выставок.

ISBN 978-5-00-514404-1

© Скоблов Е.

© Издательские решения

Содержание

ПЕРВАЯ РЫЖАЯ	6
Глава 1	7
Уроки Татьяны Александровны	7
Глава 2	24
Танцы на цокольном этаже	24
Глава 3	33
Под душем в госпитале	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Танцы на цокольном этаже

Повести, рассказы

Евгений Скоблов

Художник Евгения Кокорева

© Евгений Скоблов, 2020

ISBN 978-5-0051-4404-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРВАЯ РЫЖАЯ

«Чек пришёл через неделю. Не понимаю, как им удалось так быстро. Должно быть, поверили, что во всех моих рассказах — правда. Там правды только на ¼. Фантазия, перемешанная с правдой, равняется Искусству. В общем, они заплатили...»

Чарльз Буковски

(«Из блокнота в винных пятнах»)

Глава 1

Уроки Татьяны Александровны

Однажды я повстречал женщину.

Теперь я не сомневаюсь в том, что случайностей не бывает, и уж тем более, случайных встреч с женщинами. Каждая встреча predetermined, где-то и кем-то тщательно спланирована, оформлена в какие-то рамки. Но во времена, о которых пойдёт речь в этой главе, мне казалось, что всё происходит само собой. В двадцать лет, знаете ли, когда вы студент выпускного курса института, и когда перед вами ещё только начинает просматриваться широкий prospect будущих побед и свершений, не очень-то и задумываешься о случайностях, закономерностях, причинах, следствиях и прочей ерунде...

Одного моего приятеля по учебной группе, Андрея Богатова пригласили на свадьбу. Подруга его девушки выходила замуж, и он тоже оказался в числе приглашённых. Повеселиться на свадьбе, попить-покушать и сплясать, при том, что ты отнюдь не главное действующее лицо, а просто гость, это почти что счастье для бедного студента. Свадьбы не каждый день случаются, и если пригласили, то нужно использовать момент, как говорят «по полной программе». Тем не менее, была загвоздка, которая заключалась в том, что Андрей не очень-то и хотел принимать участие в этом мероприятии самостоятельно (свою подружку он в расчёт не принимал). Ведь он никого не знал из многочисленных приглашённых друзей и родственников невесты, а также её родителей, и его тоже никто не знал тем более. Андрей, хотя и значился старостой нашей группы и производил впечатление человека солидного, основательного, пожалуй даже слишком, для двадцати одного года, был во многих, если вообще, не во всех вопросах, крайне стеснительным и нерешительным. Так что в этом весёлом, но неоднозначном деле ему позарез нужен был товарищ, с которым было бы ловчее и привольнее чувствовать себя в ресторане.

Он долго думал, кого из ребят можно было бы взять с собой, и в конце концов остановил свой выбор на мне. Андрей пояснил свой выбор тем, что во-первых, я его понимаю лучше других товарищей по учёбе, во-вторых знаю много шуток и забавных анекдотов, в-третьих, потому что ему так хочется. А раз так, то он рассчитывает на меня, и я не вправе его подвести. Ну и... на свадьбе будут присутствовать несколько молодых и незамужних подружек невесты, для которых наличие молодых людей имеет весьма немаловажное значение в плане перспективы дальнейшего, возможно, более близкого знакомства.

Вообще-то уговаривать меня было не нужно, я с радостью согласился. Несколько последних месяцев в институте для нас всех выдалась достаточно напряжёнными: постоянные контрольные занятия, семинары, подготовка курсовых и дипломных работ, решение всяких, связанных с предстоящим выпуском дел. А тут свадьба! При этом, от меня требуется лишь присутствие, хорошее настроение и контроль в употреблении спиртного. И конечно, постараться не ввязаться в какую-нибудь историю. Вечерний, а тем более ночной Львов начала восьмидесятых таил массу неприятных сюрпризов и требовал собранности и внимания.

Всё началось хорошо. Мы с Андреем сразу стали центром внимания (помимо, собственно, жениха и невесты), особенно со стороны молодого поколения участников этого счастливого события. Сразу выяснилось, что все знают друг друга лишь заочно, как часто и бывает на свадьбах с большим количеством гостей. Один из залов ресторана, названия которого я так и не запомнил, как не запомнил и места, где он находится, был заполнен под завязку.

Мне показалось, что мы выбрали «правильную» линию поведения, а именно: скромность, умеренность, лёгкие, своевременные шутки и контроль над своим поведением. Всё это, наверное, со стороны смотрелось вполне респектабельно, и нам с лёгкостью удалось завоевать симпатии, теперь уже большинства женской половины веселья. Ещё пара хороших тостов от меня и Богатова, и нас уже почти любили.

Что до нас, то Андрей всё же был со своей девушкой, а вот мне представилась полная свобода выбора, и я заметил, что несколько пар женских глаз внимательно и с интересом посматривают в мою сторону. Честно говоря, я не особенно стремился обязательно с кем-нибудь познакомиться, всё же, в торгово-экономическом институте, в общежитие которого я периодически заглядывал «на огонёк», у меня уже была одна симпатия. Но я не мог не обратить внимания на то, что в данный момент около меня постоянно крутится довольно привлекательная, я бы даже сказал, эффектная молодая особа. Невысокого роста, темноволосая с короткой стрижкой, в очках, которые очень даже ей подходили, в ярко-красном платье, она напоминала главную героиню (или героя?) американского суперфильма «Тутси», которому ещё только предстояло выйти на экраны Советского Союза. Татьяна была раскована и приятна в общении, это мне удалось выяснить, когда мы вместе вышли покурить. Мы познакомились легко, а через минут пятнадцать после знакомства, уже болтали и смеялись как «очень старые друзья».

А может ли быть как-нибудь по-другому, если тебе двадцать с небольшим лет, когда последствия твоих действий и поступков не продумываются и не просчитываются, а важен лишь настоящий момент? Особенно, когда рядом красивая женщина? Татьяна мне сразу понравилась... А вот я ей? Вполне возможно... Наверное я всё-таки уловил в её жестах, мимике, интонациях низкого хриловатого голоса готовность к продолжению знакомства. И не «как-нибудь в следующий раз», а немедленно, сегодня и сейчас. Поэтому, совершенно не удивился, когда на следующем «перекуре» Татьяна тихонько сказала (мы были не одни):

– А может быть, мы сбежим отсюда? Здесь слишком много людей, слишком шумно и много света.

Вообще-то, я понял, о чём идёт речь, но всё же, спросил:

– А это будет удобно? И куда мы сбежим?

– Мы сбежим ко мне домой, где нам будет удобно, – с нажимом ответила Татьяна и добавила, – а если кому-нибудь здесь это неудобно, то пусть умоются. Они на меня итак будут злиться, и Маринка, и её подружки.

– А почему?

– А потому, что я *всегда* увожу с их вечеринок лучших мужчин, – тут Татьяна рассмеялась, да так заразительно, что я непроизвольно присоединился, и мы долго не могли остановиться.

Мне очень захотелось попасть домой к Татьяне, я чувствовал, что там должно произойти нечто необыкновенное. Татьяна вела себя уверенно, и как мне показалось, была полностью убеждена в том, что всё должно быть и будет так, как хочется ей. Возражения не принимались, хотя я как мог, давал понять, что возражений не будет, поскольку их просто не может быть.

В какой-то момент я вспомнил о Ленке – моей девушке из торгово-экономического института. Иногда мы встречались, но дальше поцелуйчиков в коридоре общаги, дело не продвигалось. Наверное, я был влюблён, но может быть и не очень. Поскольку не чувствовал, что между нами установилось доверие, а по каким причинам, пока не догадывался. Но ещё у меня была девушка Ирина в Хмельницком, с которой мы встречались, когда я приезжал на каникулы домой. С ней мы были в более близких отношениях, собственно, она ожидала, когда же я, наконец, сделаю предложение. В крайнем случае, она была готова и сама сделать мне такое предложение. Но, как человек разумный, планировала эту инициативу уже после того, как я окончу институт, и будет точно известно, куда меня отправят по распределению. А ещё у меня была,

уже почти состоявшаяся любовь в Николаеве, которую звали Сталиной и с которой также, во время каникул (и зимних и летних) я регулярно встречался. И наши короткие встречи были наполнены любовью и страстью, а в периоды разлуки мы писали друг другу нежные письма. И в общем и в деталях, всё это было хорошо, приятно, и все были довольны. Поскольку, на мой взгляд, я очень хорошо относился ко всем своим возлюбленным, ценил их внимание, любовь, и старался столько же давать в ответ.

Но этим вечером я целовал Татьяну на заднем сидении такси, которое мчало нас по ночным львовским улицам к ней домой.

Из ресторана мы ушли тихо, ни с кем не попрощавшись, и я себя чувствовал несколько неловко, потому как считал, что хотя бы друга своего, Андрюху, должен был предупредить.

– Запомни, дружок, – сказала Татьяна, когда мы поднимались по лестнице на второй этаж частного дома, – ты никому, никогда, ничего не должен. А если скажут, что должен, то пошли их в жопу.

Я был взволнован крутизной своей новой знакомой. Просторная комната на втором этаже принадлежала ей, а первый этаж занимали родители, и, как потом я узнал, её маленький сын. Мне ещё многое предстояло узнать, но это было впереди, а я события не торопил.

Едва дверь за нами захлопнулась, Татьяна резко привлекла меня к себе, и это показалось мне забавным, поскольку на вид маленькая и хрупкая женщина оказалось такой ловкой и сильной, и поцеловала в губы.

– А теперь раздевайся, – распорядилась она, – я за вином.

И выскользнула из комнаты. Я осмотрелся. Комната была обставлена скромно, но как говорят, со вкусом, лёгким изяществом, и даже, некоторым шармом. Всё необходимое было на своих местах: книги на полке, маленький импортный телевизор, музыкальный центр, несколько мягких стульев (так и вертелось на языке «из дворца»), широкая тахта, пара напольных ваз, пара репродукций на стенах... «Пан» Врубеля и ещё что-то, мне незнакомое...

– Нет, вы посмотрите на него, – воскликнула Татьяна, когда вернулась уже в лёгком халатике и с бутылкой вина, – он ещё не готов! А ну-ка, живо, снимай брюки!

Честно говоря, мне понравились её повелительный тон и лидерство, которое обозначилось сразу. Она сбросила халатик, полностью обнажившись, и стала медленно поворачиваться (со словами «смотри-смотри, тебе полезно»), потом поставила ногу на сиденье стула.

– Ну, и как я тебе? – и, не дожидаясь ответа, лишь мельком взглянув на меня, хмыкнула, – я так и знала!

Я открыл вино и разлил по хрустальным фужерам, которые, как специально, оказались на мельхиоровом подносе, на столе.

– А это... – я замялся, – мы не помешаем твоим родным?

– Ты что, студент? Они уже давно спят, два часа ночи! Ладно, хватит болтать, иди сюда!

Наша первая близость продолжалась, как мне показалось, бесконечно... или немного больше. Татьяна была неуёмна и сверх энергична, а вот откуда у меня взялось столько сил, я не знал. В перерывах мы пили вино и курили. Татьяна вскользь рассказывала о себе, интересовалась «чему там учат, в вашем институте культуры». А я никак не мог определить её возраст (о наличии сына я ещё не знал), и конечно, уточнять не собирался. А по большому счёту, меня это не очень-то интересовало, как и то, где и кем работает моя новая знакомая, и всякое другое. А вот Татьяна, похоже, изучала меня более внимательно, хотя я и на это не обращал внимания, уж слишком всё было романтично и приятно. Откуда родом, кто родители, какие планы, но всё это было как-то мимоходом, поскольку основное наше занятие, ни она, ни я прекращать пока что не собирались. Но в очередной перерыв Татьяна сказала:

– Всё. На сегодня хватит. Я устала, а завтра, точнее, сегодня – на работу. Значит так, жду тебя здесь же, послезавтра, часиков в десять, а лучше в одиннадцать вечера. Занятия любовью должны быть удовольствием, а не хождением по мукам.

– Татьяна... ты была великолепна. И я...

– А как же, – она перебила меня, – я вообще самая лучшая. А впереди, если будешь хорошим мальчиком, тебя ждут сюрпризы. Всё, иди!

И я ушёл. Уже было утро и мне следовало тихонько пробраться в общежитие, мимо дежурной, и чтобы не разбудить соседей по комнате. Времена, когда мы делились рассказами о своих амурных похождениях и победах на любовных фронтах давно миновали.

Итак, я снова был влюблён. Честно говоря, меня несколько «ошарашила» моя новая возлюбленная. Я уже догадался, что Татьяна, как говорят, «воробей стреляный» в «делах любовных», но что было гораздо важнее, она привыкла быть ведущей в паре. Разумеется, мне было ясно, что она не просто старше, а гораздо старше меня, но вот на сколько именно, я определить не мог. Выглядела Татьяна прекрасно, а у меня было ещё совсем немного опыта в близком общении с женщинами, чтобы распознавать такие вещи сразу. Впрочем, и в последующем, я тоже никогда не мог определить возраст понравившейся мне женщины, поскольку, это, наверное, совсем не имеет значения, если кто-то тебе пришёлся по душе... Но самым главным было то, что мы друг другу понравились с «первого раза». Очень кстати пришлось и то обстоятельство, что её дом был совсем недалеко от нашего общежития.

На следующий день друг Богатов поинтересовался, понравилась ли мне свадьба, и куда я пропал. Ведь самое интересное только начиналось, а именно питание шампанского и танцы на свежем воздухе в парке, близ фонтана под звуки магнитола. «Ты бы видел, как тёлки танцевали, я бы их всех!» Я ответил, что познакомился с очень интересной женщиной, Татьяной, и для меня самое интересное было у неё дома. «Мы тоже пили шампанское и танцевали до упаду». Круглые глаза Андрея стали идеально круглыми, и он потребовал, чтобы я поведал подробности. На что я сказал, что ничего необычного не было, а о «подробностях» я могу рассказать только с личного разрешения моей новой знакомой. И поскольку разрешения не было, то и рассказывать нечего. Богатов понимающе похихикал и отцепился. В конце концов, у него была своя «почти невеста»... Или ему уже с ней не очень интересно?

В условленное время я снова был у Татьяны. Она сидела в халате за столом и делала какие-то записи в тетрадь.

– Привет, – буркнула она, не отрываясь, – ужасно рада тебя видеть, Алекс. Налей себе выпить.

На столе стоял хрустальный графин, но вместо фужеров на знакомом подносе я обнаружил два приземистых квадратных стаканчика и блюдо с виноградом. Я присел на краешек тахты. Снова стал изучать обстановку в комнате, и отметил то, что не заметил в первый раз. На маленьком столике стоял телефон, а над входной дверью висел фотопортрет какого-то бородатого мужчины, очень мне знакомого, но я не мог вспомнить кто это.

– Это Хемингуэй, – Татьяна, оторвавшись от бумаг, перехватила мой взгляд, и конечно, уловила, что я пытаюсь вспомнить, но не могу. – Телефон запараллелен с комнатой родителей, но трубку снимаю всегда я. Только я. Понял? Потом запишешь номер.

Она встала, подошла ко мне, повалила на тахту и впила в поцелуем сначала в губы, а потом в шею. Это было больно, но в общем, приятно и волнуяще.

– Вот, теперь засос точно будет! – удовлетворённо хмыкнула Татьяна, – подожди, я тебе ещё спину поцарапаю! Любовник должен быть с отметинами любви, иначе он – не любовник, а слюняй.

Я почувствовал, как кровь ударила мне в голову, и сердце заколотилось в бешеном ритме.

– А ну-ка, дружок, раздевайся. Будем проводить медосмотр! – распорядилась она, и сама сбросила халатик. На ней был один лишь бюстгальтер. – У меня не очень красивая грудь, так что обойдётся без неё.

Татьяна встала, подошла к столу и наполнила стаканчики из графина. Один протянула мне.

– Пей! Только всё и сразу. Это настоящая ракия, мне её привезли друзья из Болгарии. Пробовал когда-нибудь?

Мы чокнулись, и я выпил залпом жгучий, отдающий фруктами напиток. Татьяна поцеловала меня в губы, а потом положила в рот виноградину.

– О! Да мы уже готовы! Быстрый же ты однако, молодец! И это *файно!*

Она снова поднялась с тахты, отошла на два шага, взяла со стола очки, надела их и стала меня разглядывать, точно медосмотр!

– Хорошо, молодой человек, оч-чень хорошо! – удовлетворённо резюмировала леди-босс. – Вы нам подходите. Чистенький, как младенец. А теперь посмотрим, как Вы выглядите функционально.

Мы снова погрузились друга в друга, да с такой страстью, словно и не было первой нашей встречи. Сначала всё шло хорошо, как мне казалось. Татьяна тихонько постанывала и покусывала меня за мочку уха, но вдруг, перед самым ответственным моментом оттолкнула меня и громко расхохоталась!

Я был совершенно сбит с толку и попросту ошеломлён. От неожиданности, чуть было не свалился на пол.

– Н-н-не понял... – пробормотал я.

– Эх ты, горе-любовник! Да ты совершенно ничего не умеешь, оказывается! Абсолютный Ноль, вот ты кто! – со злой усмешкой проговорила моя начальница, поправив очки. – Разве можно так вести себя с женщиной?! Тем более с женщиной, которая тебя уже почти что любит?

– А что? Что не так? – я действительно не мог понять, в чём дело, что я сделал «не так».

– Ты как робот-автомат, который забивает гвозди! Долбишь как отбойный молоток, и никаких чувств. А где ласковые слова горячим шёпотом на ушко, я тебя спрашиваю?!

Мне стало как-то не по себе, но Татьяна, вдруг, снова рассмеялась, и я понял, что рассердилась она «понарошку».

– Ну ничего, мальчик мой, – продолжила она, как ни в чём не бывало, – я тебя всему *обучу*. Ты ведь хорошо учишься, там, в своём институте? Вот, будешь слушаться старших, всё у тебя получится. Налей-ка выпить. Перекур.

Мы ещё немного выпили, и Татьяна включила маленький импортный кассетник, который стоял у изголовья тахты, и я его не заметил ни в первый раз, ни сегодня. Лёгкая медленная инструментальная музыка, небольшой хмель расслабили меня и полностью сняли напряжение. Татьяна развернула меня на живот и стала массировать спину. Это было очень приятно, весьма эротично, и я чувствовал себя великолепно. Потом мы снова занялись своим делом, и под руководством опытного наставника, я, по её словам достиг неплохих результатов. За это, сказала она, полагается специальный приз. «Специальный приз» настолько вскружил мне голову, что я взлетел, чуть ли не под самый потолок, два раза подряд.

– Что, балдеешь, падлочка? – усмехнулась Татьяна, – то-то, знай наших!

Потом откинулась на спину, и сделала гимнастическую позу «берёзка»

– Ну-ка, Алекс, оцени мои ножки? Какими ты их находишь? А? Ты совсем мною не восхищаешься, грубиян!

– И ножки твои, и ты сама просто класс, – просто ответил я, – мне очень хорошо с тобой...

– ... любимая, – договорила за меня Татьяна. – Или не любимая? Отвечайте, гражданин Серебряков!

– Ну конечно, любимая, – пролепетал я, – только...

– Что, «только»? В чём вообще дело?! – Татьяна поднялась в полный рост на тахте и грозно смотрела на меня сверху.

– Ну это... мы ведь ещё так мало знаем друг друга, – смущённо оправдывался я.

– Да как это мало?! Я, например, о тебе знаю всё и даже больше... и даже точный размер твоего инструмента. А ты что ещё хочешь обо мне узнать? Так давай, спрашивай, не стесняйся. У меня нет секретов от тех, кого люблю, а кого не люблю, пусть идут в задницу!

Я молчал, как-то не был готов к такому разговору. Конечно, Татьяна была сильной и решительной женщиной, это я уже понял. Но пока что задавать всякие вопросы считал не очень приличным. А вот теперь выходило, что Татьяна сама заинтересована в ответах на мои вопросы.

– Ну ладно, Александр Евгеньевич. Учтём твой младенческий возраст и построим нашу работу по-другому. Спрашивать буду я. С пристрастием!

Татьяна закурила.

– Ита-ак. Сколько бы ты дал мне лет?

Я замялся, поскольку этот вопрос, всё же не давал мне покоя, хоть и не был основным.

– Ну... двадцать восемь.

– Противный! Мне все дают двадцать пять! – она снова плюхнулась на тахту, задрала ноги и прислонила их к коврику на стене. – А ну, целуй ноги! Раб!

Я послушно поцеловал по очереди каждую ножку, сначала в колени, потом всё выше и выше.

– Вот, это совсем неплохо, – довольно промурлыкала Татьяна. – Вообще-то мне тридцать два.

– Угу-м, – неопределённо промычал я, это сообщение на меня почему-то не произвело впечатления.

– Ну вот, снова тебя нужно всему учить, недоросль. Ты должен был изумиться, или, хотя бы притвориться, что изумлён! А потом схватить в объятия свою крошку, и кричать «не верю, моя девочка! Ни за что не верю! Тебе всего лишь двадцать три!» А потом встать на колени и попросить прощения.

Татьяна забавлялась, ей было весело со мной, и я это чувствовал. Затем я заключил «свою крошку» в объятия и мы снова занялись любовью. Когда, наконец, расслабились, Татьяна повернула меня на спину, снова встала на тахте и слегка надавила мне на грудь своей маленькой, изящной ступнёй.

– Отныне я – твоя госпожа, и ты подчиняешься моей воле! Клянись!

– Ну, клянусь...

– Без всяких там «ну»! Повелеваю! Явиться завтра в опочивальню Госпожи не ранее одиннадцати и не позднее одиннадцати-десяти вечера, а то будешь очень строго наказан. Минимум, ремнём. А теперь иди, и подумай над своим поведением.

Я собирался уже встать и одеться, но Татьяна привлекла меня к себе.

– Побудь ещё немного, любимый. Мне так одиноко. Ночью, в холодной постели... Правда ты её согрел немного, но этого очень мало...

Она легонько, лишь прикосновениями, целовала мне грудь, плечи, спину. Потом, вдруг, сказала:

– Теперь я понимаю Аллу. Одну мою подругу. Ей сорок два, но она любит только мальчиков, не старше двадцати двух. О... это – особая любовь... И ты мне подарил это ощущение. Не было ещё у меня такой радости... ты в моей власти, и это что-то необыкновенное... люблю тебя, мой малыш...

Наши встречи продолжались, стали регулярными, и как мне казалось, приносили нам обоюдное удовольствие. Но я имел право появиться «в покоях Госпожи» только по её распоряжению. Правда, мне разрешалось звонить в те вечера, когда встреча не планировалась, и я звонил с телефона-автомата. Поэтому, всегда старался насобирать побольше «двушек». В те времена на одну монету можно было разговаривать сколько угодно. Но дело было в том, что в общежитии был всего один телефон-автомат, около которого всегда выстраивалась очередь «влюблённых джигитов», то бишь, в основном студентов, дозванивающихся до своих возлюбленных. Другой ближайший телефон располагался через два квартала, и часто на двери будки болталась бумажка с надписью «не работает».

Встречи у Татьяны были всегда разными, точнее, каждый раз «моя новая любовь» представляла в какой-нибудь новой ипостаси. Порой она была сверхнежна и предупредительна. Кормила меня из ложечки домашним клубничным вареньем, а потом, свернувшись калачиком, прижималась ко мне, тихо и грустно философствовала о смысле жизни и падении общественных нравов. А иногда она была очень зла, решительна, и даже груба со мной, но при этом всякий раз давала понять, что всё это «не всерьёз», это игра такая, значит.

В целом же, Татьяна была очень умной, начитанной, с хорошо развитым воображением и чувством юмора, женщиной. Кроме того, она считала себя ответственной за «повышение моего интеллектуального уровня».

– Ты знаешь, – как-то сказала она, – пока они окончательно не сделали из тебя болвана – строителя коммунизма, нужно взять тебя под строгий контроль. Нет, ты конечно, изучай своих классиков марксизма, а то вылетишь нафиг из института. Вы там, наверное, ещё и зачёты сдаёте? А пока, на-ка, вот это. Сам прочти, но больше никому не давай, зачитают...

Она сняла с полки томик Артура Хейли.

– Я его обожаю! Сделай кофе, – Татьяна мечтательно закатила глаза.

Артур Хейли в то время был весьма популярен в советской интеллектуальной читательской среде, особенно те романы, которые и были в книге: «Аэропорт» и «Колёса».

Я книгу взял, и с интересом прочитал, но мне, честно говоря, эти произведения показались скучноватыми. Ещё в старших классах средней школы я слышал о них, но впервые познакомился лишь теперь, когда Татьяна сначала высказала своё восхищение, потом заставила прочитать, а затем и поделиться своими впечатлениями.

Я сказал, что и тот и другой роман мне очень понравились. Америка и американцы, свобода и крутизна всего происходящего, как это интересно написано, и всё такое. Тем не менее, Татьяна устроила мне «допрос с пристрастием», и мне пришлось сдавать ей экзамен по знанию американской художественной литературы. Татьяна была удовлетворена, когда помимо обсуждения работ Хэйли, я вкратце рассказал о прочитанных ранее произведениях Марка Твена, Роберта Шекли, Джека Лондона и О'Генри.

В следующий раз Татьяна дала мне номер журнала «Иностранная литература», в котором был опубликован в сокращении роман Германа Гессе «Степной волк». Правда, в журнале, почему-то публикация значилась, как киносценарий, а в авторах проходил Питер Устинов, известный в СССР как киноактёр и режиссёр. «Степной волк» мне понравился гораздо больше, и я прочитал его два раза. Таня была очень довольна, и мы долго обсуждали роман. А о том, что это работа Гессе, я узнал гораздо позже, но тогда, несмотря на то, что произведение было для меня слишком сложным, слишком необычным из всего того, что я читал раньше, оно произвело на меня огромное впечатление.

А однажды, Татьяна протянула мне тоненькую книжицу в мягкой обложке и очень серьёзно, очень задумчиво заглянула в глаза. Она сказала, что это очень дорогая для неё книга, которую я, как любимый её человек, должен обязательно прочитать. Всё отбросить и прочитать. Очень возможно, продолжала Татьяна, эта книга прояснит суть некоторых вещей, о которых я ранее не задумывался.

Я не запомнил автора, из памяти стёрлось и название этой маленькой книжки. Но содержание, я действительно, запомнил навсегда. Речь в повести шла о молодом человеке – инвалиде, которому была уготована незавидная судьба, в которой не существовало перспектив добиться чего-то существенного, в то время, как его друзей и подруг ожидало светлое и счастливое будущее. Но этот человек не пожелал повиноваться воле обстоятельств, собрал всю волю, всю жизненную силу в кулак, и поставил себе задачу добиться того, чтобы быть не просто «как все», не просто достичь успеха, но и создать полноценную семью, стать лучшим в области приложения своих сил, насколько это было возможным. Это была книга о тяжёлом труде человека, у которого не было шансов, в борьбе, а по сути, войне самого с собой за прорыв из глубин уныния и печали к свету. Запомнился эпизод, когда его пригласили на свадьбу друзей, причём невестой была девушка, в которую он был безнадежно влюблён. К этому времени, он уже успел добиться кое-каких успехов, а по интеллектуальному уровню, намного обогнать всех своих друзей. Но на него продолжали смотреть как на просто инвалида и вечно бывшего-будущего неудачника. Но когда он произнёс тост, а по сути, речь во здравие молодых, за столом вдруг воцарилась глухая тишина. Он нашёл такие слова, и произнёс их так, что его мысль не просто дошла до сердца каждого гостя... Она поразила всех присутствующих.

Сюжет сам по себе был достаточно трагичен, но окончание хорошее. Герой не только побеждает, не только добивается успеха, но и находит свою Главную Любовь жизни, точнее, любовь находит нашего героя.

Очень сильная книга. И теперь мне иногда кажется, что может быть, наша встреча с Татьяной, наши отношения, любовь и всё остальное – всё это случилось только ради того, чтобы в один прекрасный момент она мне дала эту книгу, и я её прочитал. Эта вещь не просто произвела на меня впечатление, она что-то изменила во мне, в моём восприятии окружающего мира. В моём отношении к людям вообще. Наверное, случилось так, что книга попала мне

в руки в тот самый момент, когда и должна была появиться в моей жизни, чтобы немного изменить её течение. И так уж вышло, что человеком, который вольно или невольно принял непосредственное участие в этом «ключевом» событии, стала Татьяна.

После прочтения книги, я пришёл к выводу о том, что в сущности, ещё очень мало знаю о жизни вообще, и почти ничего не смыслю о настоящих трудностях, которые может испытывать человек. И уж, конечно, очень далёк от такого понятия как «вера». Вера в себя, вера в людей, в Бога. Помимо всего прочего, книга открыла мне глаза на то, что кроме мира молодых, здоровых и беззаботных студентов, есть мир скорби и печали. Мир брошенных стариков и инвалидов, где ежедневная и ежечасная борьба – нормальное состояние, где чувства сострадания и готовности прийти на помощь, ценятся гораздо выше денег, автомобилей и алкогольного веселья. В ней не было ни слова о героических подвигах во имя победы социализма во всём мире, о жертвах ради выполнения задач партии и правительства. Зато там было много о добре и зле, предательстве и верности, любви и обыкновенной человечности.

На этот раз, Татьяна не стала устраивать очередной «экзамен», но когда я возвращал книгу, она снова очень внимательно посмотрела мне в глаза. Похоже, что-то уловила, может быть то, что я стал немного другим...

Однажды я пришёл (по предварительной договорённости) около полуночи и застал её «хорошо выпившей», чего раньше не случалось. Татьяна сообщила, что была в ресторане с подругами, на что имеет полное и безусловное право. И «кто я такой, чтобы ей указывать». Я, правда, ещё не успел и слова сказать, но Татьяна смерила меня взглядом из-за покосившихся очков, как милиционер уличного шалопаю, и вдруг прогремела:

– Да кто ты вообще такой! Пришёл тут...

– Таня, любимая... Можно я пойду, я вижу тебе сегодня нужно...

– Молча-агь, сопляк! Тебе вообще давали слово? П-пришёл тут и р-распоряжается...

А ну, иди сюда, живо! Проси прощения! На коленях!

Я покорно опустил на одно колено, взял её ладошку в руки. Она была холодной, и я принялся своим дыханием, а затем и поцелуями согреть её.

– Танечка! Я торжественно прошу прощения у своей Госпожи, и обязуюсь так больше никогда не делать.

Татьяна взъерошила мне волосы и прижала голову к груди. Всхлипнула:

– Я никому тебя не отдам... А пусть только попробуют! А почему ты ещё до сих пор одет? Такой сладкий, и такой одетый... Я хочу тебя съесть, шалунишка...

Немного позже, когда мы курили и слушали на «маленьком японце» оркестр Джеймса Ласта, Татьяна, немного протрезвевшая, делилась воспоминаниями о юбилее, который сегодня вечером отмечали в ресторане. Старые подруги, старые друзья, всем немного за сорок. Все здесь, во Львове, «неплохо сидят», что означало: все друзья и подруги Татьяны устроены на прибыльных, не пыльных и тёпленьких местечках, полностью обеспечены и ни в чём не нуждаются. Пили коньяк (самый дорогой), ели деликатесы, включая осетрину и чёрную икру. Всего было навалом, и деньги никто не считал, хоть юбиляр и настаивал, что платит только он. Но в компании было правило – все застолья оплачивать сообща. Правило установилось издавна, и никто его не собирался менять. А потом...

– А потом я увидела за соседним столиком очень одинокого и очень грустного еврея. Он был совершенно один, и наблюдал за нашим весельем огромными печальными глазами. Ты знаешь, Алексис, мне захотелось подойти к нему, взять за руку и увести за собой...

Татьяна замолчала. Очевидно, ожидала моей реакции, но я молча курил и ждал продолжения этого увлекательного рассказа.

– Э... дружок, ты не уснул ли случайно? Твою девушку хотят украсть евреи, а тебе всё равно! Так вот, сегодня я тебе спать не дам, пока не протрезвею окончательно!

Она встала, подошла к столу, включила электрочайник. Приготовила растворимый кофе.
– Я очень люблю евреев, – Татьяна отхлебнула кофе, затаилась сигаретой, – ты случайно не еврей?

– Случайно, не очень, – пошутил я. На ум пришла строчка из песни Высоцкого: «...если кто и был в родне, так и тот татарин», но озвучить я её не успел.

– Ладно врать! Очень – не очень. Если бы ты был евреем, то был бы «обрезанным». А ты не «обрезанный», значит, не еврей. Паршивый гой, вот ты кто! Короче, в Израиль тебя бы не пустили. Такие там не нужны. Слушай, давай выпьем по капелечке, моя головка ещё бо-бо!

Мы выпили по стаканчику вина. Сегодня на мельхиоровом подносе стояла бутылка португальской мадеры.

– А причём тут Израиль? – спросил я, когда прожевал конфету.

– А притом, мой малыш, что я хочу уехать отсюда. Навсегда!

Теперь я был основательно сбит с толку. Я не мог понять, а точнее, уловить нить разговора (что неудивительно, Татьяна ещё недостаточно протрезвела), и не знал, как реагировать на это откровение. Но всё же, спросил:

– А здесь что, плохо?

– Здесь не плохо. Здесь *отвратительно*. Поэтому все умные люди уехали в семьдесят втором и семьдесят девятом. Понимаешь, Алекс, я хочу нормальной жизни, меня, видишь ли, задолбали ваши советские порядки. Мы здесь не живём, а выживаем. А я хочу, чтобы мой сын вырос свободным человеком. Ясно тебе, простая душа?

Сын... Это было для меня ещё одним открытием. Но в данный момент мысли мои были заняты другим. Я был комсомольцем, как и все студенты института, а на нашем, выпускном курсе, некоторые уже успели вступить в коммунистическую партию Советского Союза, поэтому, я вдруг почувствовал себя очень неловко. И вообще, весь этот разговор действовал на меня угнетающе. Конечно, можно было сказать, что мне уже пора, но мне показалось, что это может очень обидеть Татьяну, ведь она со мной откровенна, и получилось бы, что я просто испугался и убежал.

– Можно мне ещё выпить немножечко вина? – мне просто хотелось перевести разговор на другую тему.

– И мне тоже. Поправка требует добавки, как говорят у нас в бюро. Алекс! Вы на меня сегодня действуете успокаивающе, за это Вам полагается сладкое... но немного позже.

Мы выпили, закусили шоколадом. Татьяну снова потянуло на ту же тему.

– Вообще-то мне Израиль и даром не нужен. Просто через Израиль легче уехать в Европу, а лучше, в Штаты. У меня подруга живёт в Бостоне. В семьдесят шестом вышла замуж за Иэю Бомштейна. Они и познакомились в нашей компании. У Иэи в Нью-Йорке были родственники, сделали вызов. Три года, как уехали, теперь живут как люди. Иэя поначалу работал в гараже, теперь таксист, зарабатывает неплохо, у Алёны свой косметический салон...

Для меня всё это было настолько ново и настолько чуждо, что я слушал, открыв рот.

– Вот ты, – Татьяна ткнула в меня пальцем, – закончишь свой институт, отправят тебя в Мухосранск, и что тебя там ждёт? Чему, вообще, вас учат? Политработе, не иначе, а чему могут ещё научить в совковом институте? Будешь поднимать колхозную культуру, в свете партийных решений... Ты же, наверное, ещё и комсомолец? А «Малую землю» читал?

Я замолчал, не представляя пока, что могу ответить Татьяне, поскольку был окончательно сбит с толку. Израиль, Европа, Америка... и ещё американский таксист Иэя Бомштейн... Ё-моё...

Да, я учился в одном из лучших советских высших учебных заведений. Из нас готовили специалистов, которые после выпуска должны были нести культуру и просвещение в массы, чем я и собирался заняться, как к тому призывали партия и комсомол. И, разумеется, не просто читал, а *изучал* «Малую землю». Несмотря ни на что, литературные произведения Леонида

Ильича Брежнева, всё ещё были для меня вещами, которые я никак не мог, да и не хотел выбрасывать из головы. Более того, три с половиной года назад, на вступительном экзамене по русскому языку и литературе я писал сочинение по «Малой земле» и получил оценку «хорошо».

Тогда среди студенчества, и не только, ходили слухи, что эту книжку написал Генеральный секретарь не сам, а вот всю премию забрал себе. Хотя, казалось бы, мог и поделиться с теми, кто помог ему сочинить книгу. А вот я, например, не мог взять в толк, как такой солидный человек, политический деятель и главный начальник нашего передового отряда – коммунистической партии, мог вот так запросто присвоить себе чужой труд. Это что же получалось? Что, может быть, он не сам воевал там, на Малой земле? Но факт оставался фактом: на Малой земле Леонид Ильич не только воевал, но и проявлял мужество, героизм и отвагу, чем снискал уважение подчинённых и авторитет среди товарищей. И очень возможно, выражаясь словами героя одного сверхпопулярного фильма, «свой офицерский паёк под койкой не доедал». А раз так, то и книгу написал он сам! Или, почти сам.

Скорее всего, надиктовывал воспоминания, а секретарша печатала на машинке. Мне представилось, как Леонид Ильич неторопливо прохаживается по кремлёвскому кабинету в синем шерстяном спортивном костюме с надписью «СССР» на груди, и диктует свои воспоминания, покуривая сигаретку «Новость», и, возможно, попивая чаёк, как на фронте – «со спиртиком». Хотя, может быть, это происходит на загородной правительственной даче Генсека: «...после слова „поехали“, поставьте точку, пожалуйста... или, может быть лучше восклицательный знак?»...

– Ну, что приумолк, комсомолец? – донёсся до меня, словно издавека голос моей строгой, но всё ещё не вполне трезвой наставницы. Я встряхнул головой и сказал, как можно спокойнее:

– Тань, да что тебя так завело? Ну да, у нас все комсомольцы, и даже есть несколько коммунистов. И предмет есть – партийно-политическая работа. Но у меня специализация – культурно-просветительная работа.

– Марксисты-ленинисты, значит... Онанисты! – Татьяна снова опьянела и стала злиться. Глаза сузились в щелки, – что, значит и ты людей дурить будешь?

Вот тут я вскипел, наверное, впервые со дня нашего знакомства. Но как-то так тихонечко вскипел, примерно, как вода в стакане с кипятивником.

– Ну почему сразу «дурить людей»? У нас же социализм. *Развитой!* Мы много чего достигли, и продол...

Татьяна закрыла мне рот ладонью.

– Ты смотрел фильм «Кавказская пленница»? Там есть замечательная фраза: «В моём доме не выражаться». Совсем вам мозги загадили всякой ерундой. Открой глаза, юноша! Уже давно никто не верит, ни в социализм, ни, тем более, в коммунизм. А знаешь почему? Потому что ваш Ленин был лжецом! Он обманул народ и натворил таких дел, что мы до сих пор живём как нищие. Зато ваши партийные начальники жируют. *Жрут* в три горла! А ты дружок давай, проводи свою политработу, может быть, поумнеешь, годам к сорока!

Я решительно поднялся с тахты, и начал одеваться. Татьяна молча наблюдала за мной. Потом ледяным тоном проговорила:

– Если ты сейчас уйдёшь, то больше никогда сюда не вернёшься.

Я замер. Потом посмотрел на часы, было без четверти три. Конечно, мне уходить не хотелось, но я впервые ощутил всю тяжесть давления, которое может оказать эта, хрупкая на вид, маленькая женщина.

– Ну всё, хватит дурачиться, – уже немного мягче и спокойнее сказала Татьяна, – у меня сегодня выходной, и я не собираюсь его портить. Да и ты мог бы денёк пропустить в своей бурсе. Раздевайся и иди сюда. Немного отдохнём, потом ты сходишь и скажешь там, что

тебя сегодня не будет. Соври что-нибудь, мол, надо навестить больную тётю. Устроим культурно-просветительный «семейный» выход.

Я быстро разделся, и лёг рядом с Татьяной.

Утром, пока Татьяна досматривала сладкие сны (я надеялся, что сладкие), я сбежал в общагу. Народ уже успел принять, так называемые «водные процедуры», и готовился к завтраку. Я разыскал Богатова и попросил его прикрыть меня на занятиях, если будут спрашивать. Второй парой у нас должен был быть семинар по «Научному коммунизму», и я к нему готовился. Но теперь обстоятельства изменились.

– Ну и как там, твоя подружка, – Андрей сально усмехнулся и хитро подмигнул, только что слюни не потекли.

– Нормально. О тебе не спрашивала, приветов не передавала. Так прикроешь? Скажи, что записался в офтальмологический кабинет, или, что ликвидирую последствия наводнения-землетрясения. В общем, соври что-нибудь.

Я не зря обращался к Андрею, он ведь всё же был старостой нашей учебной группы и, также как и куратор, отвечал за явку и наличие студентов на занятиях.

– Пять рублей, – просто сказал он, и широко зевнул, – и можешь гулять хоть до послезавтра.

– Да ты что, братан! Это же грабёж среди бела дня! – практичность моего друга поставила меня в тупик, – до «степухи» ещё две недели, даже сигареты не на что купить!

Андрей Богатов был невозмутим, впрочем, как и всегда, просто я этой невозмутимости раньше у него как-то не замечал. Мы же ведь считались друзьями.

– Так, я о чём же и говорю, – улыбнулся он в ответ, – мне сегодня идти к Иришке вечером, даже цветы не на что взять, да и конфеты тоже нужны. Но учти, я вхожу в твоё положение, мы же ведь, друзья. Поэтому так: с тебя два пятьдесят сейчас, и гуляй, Вася. Остальные потом отдашь.

– Ну ты и муфлон! – бросил я ответ, впрочем, безо всякой злобы.

Потом вытащил из-за обложки своего студенческого билета записочку – сложенный вчетверо «трояк».

Андрей взял деньги с видом бармена львовской «Вежи», которому дают на чай. И сказал:

– Слушай, брат, сдачи совсем нет, – и усмехнулся, – ладно, все расчеты потом.

Я махнул рукой и бросился в умывальник. Нужно было побриться, и в общем, привести себя в порядок.

На автобусной остановке, неподалёку от своего дома по улице Стрыйской, стояла Татьяна и держала за руку нарядно одетого мальчика, лет пяти-шести. Сама она была одета в роскошное, видимо заграничное, тёмно-зелёное пальто, лаковые сапожки жёлтого цвета на высокой платформе, на голове кожаная ковбойская шляпа. Всё это смотрелось совсем не по-советски, и очень стильно.

– Татьяна, Вы прекрасны сегодня с утра, – это был мой неловкий комплимент, и я протянул руку мальчику для приветствия.

– Поздоровайся с дядей Алексом, Игорёша, – улыбнулась Татьяна, и показалась мне ещё более привлекательной. . . Я ведь считал, что уже любил её, – это мой. . . нет, наш друг. Надеюсь, Вы подружитесь.

Мальчишка посмотрел на меня, как мне показалось, не очень доброжелательно, но руку в ответ, всё же протянул.

А я вынул из кармана маленький швейцарский перочинный ножик с множеством лезвий (единственная ценная вещь, которая у меня была на тот момент, и я его специально прихватил с собой), и протянул мальчику.

– Это тебе. Только будь осторожен, он очень острый.

Игорёк присвистнул от восхищения («Ух ты!»), и тут же, умоляюще посмотрел на Татьяну.

– Вот ещё! А если порежешься?! Александр, Вы в своём уме? Вы что себе позволяете?

Но по выражению её лица и тону я понял, что попал, как говорят, в самую «десятку», потому что она была удивлена, и ещё больше смущена этим маленьким таинством знакомства двух мужчин, что происходило у неё на глазах.

Я улыбнулся.

– Каждый, уважающий себя мальчик, должен иметь свой ножик. Первый, может быть, в жизни, – я попытался быть как можно более убедительным, – а Игорь уже большой мальчик, уже почти что мужчина. Вы позволите, Татьяна.. м-м-м

– ... Александровна, – подсказала Татьяна. – Ну что с вами поделывать... Мужики есть мужики!

Подъехал автобус, и я, взяв за руку Игоря, сделал к нему движение, но Татьяна придержала меня за рукав.

– Я не пользуюсь общественным транспортом, – сказала она, – и тебе не советую. Сейчас придёт машина.

Буквально тут же около нас притормозила «Лада», цвета «кофе с молоком», и водитель помахал нам рукой.

– Привет, Гурген, – улыбнулась Татьяна. Она уселась рядом с водителем и чмокнула его в щёку. Мы с Игорем заняли задние сидения.

– Кинь нас в центр. Как Наташа?

– Наташа – очень хорошо, – ответил Гурген с сильным кавказским акцентом, – сегодня улетела в Ленинград к родителям, ауф... Вот, слушай, никак нэ хотят сюда перебираться! Сколько я говорил! Вот все вы, русские одинаковые, вах!

Татьяна рассмеялась, вынула из пачки сигарету, закурила.

– Гургенчик, лапа! Мы одинаковы лишь в том, что очень сильно вас любим, настоящих мужчин! Куда же мы без вас?! А в новую квартиру уже переехали?

– Рэмонт, слушай, Тэт! Я уже сколько бабок в неё вложил, слушай! Ай, нэ спришивай!

Гурген высадил нас в центре, недалеко от памятника Адаму Мицкевичу, и пообещал передать привет Наташе, когда она будет сегодня вечером звонить.

Субботний октябрьский день выдался тёплым и солнечным. Затяжное львовское «бабье лето» было в самом разгаре, и, несмотря на прохладу, чувствовалось, что осень, как следует, ещё не началась. Мы немного побродили по центру, пока не обнаружили кинотеатр, сеанс в котором начинался через десять минут. На афише значилось, что фильм называется «Мио, мой Мио», советско-шведского производства, и конечно, больше всех фильм захотелось посмотреть Игорю.

После просмотра, когда мы оказались на улице, Татьяна усмехнулась:

– Пожалуй, это фильм для вас с дядей Сашей, в самый раз.

Фильм мне понравился, и я был несколько разочарован оценкой Татьяны, поскольку считал, что фильм далеко не только для детей.

Мы зашли в маленькое уютное кафе, где нам подали горячие чебуреки и сухое вино. Мягко и очень завораживающе звучали тихие саксофонные импровизации, посетители вполголоса переговаривались между собой. Всё было мило и пристойно, а главное, на нас никто не обращал внимания, что было очень даже комично.

Чтобы о чём-то поговорить, я со смешком, и в лицах рассказал Татьяне, каким образом мне удалось «сачкануть» с сегодняшних занятий. Татьяна сначала сдержанно посмеялась, потом нахмурилась.

– Ну и порядки у вас, в вашем заведении культуры, – заключила она, – а ты говоришь, социализм, да ещё и развитой... *жлобы проклятые!!!*

Потом раскрыла сумочку и достала купюру в двадцать пять рублей.

– На, отдай ему, пусть подавится, скотина. Игорёк, лапочка, не слушай маму. Мама очень недовольна! Мама сегодня очень сердится, моё сердечко! А будешь мороженое? Фруктовое, с кленовым сиропом?

В это время, Игорь очень внимательно изучал ножик, и возможности, которые открывались с его обладанием. Он как раз пробовал главным большим лезвием что-то выцарапать на крышке стола.

Татьяна выхватила ножик из рук Игоря, и строго посмотрела на меня.

– Вот! Это то, о чём я предупреждала! Всё, не хныкать, дома получишь. Вместе с соответствующими инструкциями!

Я не знал, что делать с «четвертаком», который до сих пор сжимал в руке. Для меня, как студента, это были большие деньги – больше половины месячной стипендии!

– Спрячь деньги, Алекс! Рассчитаешься с этим мерзавцем, и выбрось его из своей жизни. И я больше не хочу ничего о нём слышать. Понял?!

Я попытался объяснить, что уже рассчитался, что всё это, в общем-то наша, студенческая шутка, но Татьяна и слушать не хотела.

– Пусть подавится, *подонок!* – рывкнула она мне в лицо. Потом залпом махнула фужер сухого вина, и со словами, «не слушай мамочку, мой маленький», погладила по голове Игоря.

Подали мороженое, и мы насладились прекрасным фруктовым вкусом, с кленовым сиропом, а потом ещё выпили с Татьяной по бокалу сухого вина. Мне было хорошо, и хотелось, чтобы этот день никогда не заканчивался. Или, хотя бы, не очень скоро.

Потом мы ещё немного погуляли по центру. Выкурили по сигарете в скверике, неподалёку от памятника Мицкевичу. Справедливости ради, должен сказать, что Игорь оказался очень воспитанным мальчиком. Он, насколько мог, деликатно не мешал нашему общению, и открывал рот лишь тогда, когда Татьяна его спрашивала о чём-то.

Разговор как-то незаметно перешёл в плоскость моих ответов на вопросы Татьяны. В этот раз её интересовало: кем был мой папа, где и когда служил, кто и где из родственников ещё имеется, кроме собственно, мамы, и собиралась ли замуж мама после смерти папы. Её, казалось, интересовало, буквально всё, что касалось меня и моей семьи и не только. Я же, обо всём (о чём знал) рассказывал, в том числе и о девушках, с которыми встречался в разное время, или даже, был влюблён.

– А о том, чтобы жениться, не думал? – неожиданно поставила прямо вопрос Татьяна.

Я сказал, что не думал, поскольку, считаю, что рано, мол, ещё мне об этом думать. И ещё так считает моя мама.

– Об этом думать никогда не рано, и никому не поздно, – Татьяна снова процитировала «Кавказскую пленницу». И добавила. – Воображаю, что бы сказала твоя мама, если бы ты задумал жениться на мне.

Сначала я замялся, а потом проямлил что-то неопределённое, потому что, конечно, не знал, каким образом должен реагировать на мысль, которую озвучила Татьяна. Мне тогда было просто невдомёк, что таким образом моя любимая прощупывала почву для дальнейшего развития наших отношений. Осознание пришло ко мне лишь через несколько лет, когда я вспоминал об этом дне и об этом разговоре. Когда я был уже в другом месте, другом времени и практически в другой реальности.

Немного погодя, мы сели в такси, и поехали домой. По пути меня высадили около нашего общежития. Когда я выходил из машины, Татьяна шепнула:

– Сегодня, в двенадцать. Попрошу без опозданий.

Я хотел её поцеловать, но не решился. Из глубины машины на меня очень внимательно, и несколько отчуждённо (хоть мы уже были почти лучшими друзьями), смотрел маленький Игорь.

Я не могу сказать, любил ли я Татьяну в действительности, или же мне просто казалось, что влюблён. В «физическом» смысле всё было не просто хорошо, а замечательно. Она однажды сказала, что обучит меня тонкостям интимной близости, и это у неё здорово получилось. Когда мы бывали близки, я не сомневался в том, что люблю Татьяну. В другое время, не очень. Мысль о том, что и в дальнейшем она будет отдавать мне указания, и не только в постели, меня тревожила. Собственно, инициатива в наших отношениях с самого начала принадлежала ей. Это, конечно, освобождало меня от всякой ответственности и создавало некую иллюзию плотной защитной оболочки... От чего? Наверное, от попадания в определённые и не очень приятные ситуации, в которых может оказаться любой молодой мужчина, у которого ещё шумит ветер в голове и, особенно, в карманах. К этому можно добавить, что я не опасался того, что Татьяна, может, например, забеременеть, поскольку в наличии уже имелся Игорь, а Татьяна представлялась мне хоть и раскованной, но очень даже практичной женщиной. Она вовсе не собиралась «залетать» от студента, с которым не всё вполне понятно. К тому же, меня не тревожили и другие возможные неожиданности, которые могут таить в себе отношения между мужчиной и женщиной, встречающихся, лишь для взаимного удовольствия. И, конечно, я во многом ошибался, хотя бы в силу своего возраста. Татьяна, всё же, кое-что планировала, и эти планы, конечно, касались меня, но делала это незаметно и так, что я ни о чем не смог бы догадаться. Я к тому, что очень возможно в это же время в её жизни, кроме меня, существовали мужчины, гораздо определённое и круче меня в смысле «умения жить».

Однажды, когда мы отдыхали после очередного бурного, и весьма своеобразного сеанса наших любовных развлечений, Таня, как бы вскользь поинтересовалась, куда я могу попасть по распределению после окончания института. Дело было в том, что на собеседовании, мне предложили поехать в Кострому, в один из Домов Культуры. Там требовался специалист с базовым образованием, и я почти уже дал согласие. Кострома, это было не так уж и плохо, если учитывать, что меня могли «разослать» по всему Советскому Союзу, в любой райцентр, или мелкий городишко, типа Советска, на необъятных просторах Калининградской области.

И я сказал Тане, что в общем, скорее всего мне «светит» Кострома.

– А ты очень хочешь туда ехать? – Татьяна приподнялась на локоть и пристально посмотрела мне в глаза.

– Не знаю. Ну в общем, наверное, неплохо, всё же, областной центр. Некоторые ребята едут...

– Меня не интересуют «некоторые ребята». *Все* ребята меня не интересуют, кроме одного, который сейчас рядом. А знаешь, у меня в обкоме партии есть один знакомый. Он большой начальник. Очень даже большой. Я могла бы с ним поговорить, и тебя бы оставили во Львове. И место работы у тебя будет то, что нужно!

Мне захотелось уточнить: *кому* нужно? Ведь наверное, Татьяна имела в виду место, к которому стремятся люди, умеющие жить, и ради этого «вертеться». Но проблема заключалась в том, что я был из другого теста. Я тогда считал, и был уверен в том, что должен, просто обязан трудиться и приносить пользу обществу, нести культуру в массы там, куда меня определит партия и правительство нашей Родины.

Я молчал, и Татьяна тоже ничего не говорила. Пауза затянулась, и стала неловкой. Наконец, Татьяна спросила. Спросила жёстко, холодно и требовательно:

– Ты хочешь остаться во Львове, со мной? Или не хочешь?

– Таня... Любовь моя... я не могу сейчас сказать. Мы ведь ещё так мало знаем друг друга. Я пока не очень разобрался. А ещё у нас будет зимняя практика, а потом...

– Пошёл вон.

Сначала я не понял, что меня просят уйти. Я хотел сказать, что после практики в Калининградской области, куда нас направляют на два месяца (декабрь и январь), можно будет обо всём подумать и всё обсудить. Но, если быть искренним, то было ещё и то, о чём я не хотел говорить. О другой девушке, моей симпатии из торгово-экономического института, с которой мы были знакомы уже два года, и периодически встречались у них в общежитии. И которую я, до встречи с Татьяной, рассматривал в качестве будущей невесты. Кстати, её тоже очень интересовал вопрос, куда меня отправят по распределению. Я хотел что-то сказать, но она меня жёстко перебила:

– Я, по-моему, ясно выразилась! Уходи, и больше здесь не появляйся. По всему, ты ещё молодой дурак, а я не люблю дураков. Ни молодых, ни старых. Дверь внизу не забудь захлопнуть, осёл.

И отвернувшись к стенке. Я подошёл к тахте, попытался погладить её по плечу, потом приобнять, поцеловать. И вдруг, Татьяна извернулась, как змея, и наотмашь залепила мне пощёчину.

– Забирай свои манатки, и вон отсюда! – прошипела она.

Больше повторять мне было не нужно. Я как мог, быстро оделся, пробурчал «извини», и ушёл.

Вот так, неожиданно, но достаточно определённо, честно, и как мне кажется теперь, вполне закономерно, закончилась наша короткая, пылкая, но как оказалось, неустойчивая любовная история.

Не могу сказать, что я очень переживал по этому поводу, хотя чувство досады, и в первую очередь, на самого себя оставалось, и периодически меня расстраивало. Но всё же, учитывая возраст, и широту перспектив, что открывались после окончания института, чувство этой, конкретно, утраты было не таким уж значительным. Но Татьяна, безусловно, добилась того, что я о ней запомнил навсегда, и потом вспоминал с теплотой и лёгкой грустью. Она была *великолепна!* Прекрасная любовница, добрый, в сущности, человек, и я очень надеюсь, что стала кому-нибудь Очень Хорошей Женой.

Впрочем, тогда мы не расстались окончательно и сразу. Через полгода после выпуска и начала своей трудовой деятельности, мне удалось вырваться на недельку во Львов. Мы встретились (я пришёл к ней на работу), и на пару дней *всё* повторилось. Нам было снова хорошо вместе, в том самом доме, в той самой комнате. Днём я гулял по городу, посещал пивные бары и другие приятные заведения, коих во Львове начала восьмидесятых было превеликое множество, а вечера и ночи проводил у Татьяны. А однажды, я даже попал в «её компанию», что снова собралась в ресторане. Мы напились «в хлам», нас усадили в такси и отправили домой её друзья.

А следующая встреча состоялась через полтора года, когда я уже успел и жениться, и развестись в Костроме, где всё ещё продолжал свою культурно-просветительную деятельность в Доме культуры. В тот год, в отпуск мне удалось вырваться в июне, и я снова на два дня приехал во Львов. Мы снова встретились с моей Татьяной. Тут выяснилось, что и у неё и у меня куплены билеты на крутейший по советским меркам, круизный лайнер «Адмирал Нахимов». Она с сыном в составе львовской туристической группы, а я сам по себе с группой из Хмельницкого. В тот раз наша встреча началась и закончилась в вокзальном ресторане за чашкой кофе. Татьяна, скучающе, чуть ли не через зевок, рассматривала меня из-за очков, как-то вяло обрадовалась, что теперь мы вместе проведём неделю «на одном корабле». Мне показалось, а позже это стало уверенностью, что я её больше не интересую. О близости не могло быть

и речи, мне было понятно, что теперь мы просто старые знакомые, настолько старые, что общих тем для разговора просто нет.

Я уехал в тот же день.

Тем не менее, мы всё же встретились на теплоходе «Адмирал Нахимов», примерно через две недели. Её сын, Игорь, уже достаточно подросток, разыскал меня на верхней палубе, и за руку привёл в каюту, где меня ожидала Татьяна Александровна. Радость встречи, носила больше показной характер, ни я ей, ни она мне были, в сущности, не нужны. И это было, в общем, неплохо, поскольку каждый чувствовал себя свободно. А что может быть лучше свободы?

Татьяна сказала, что в их львовской группе есть «очень много интересных людей», которые очень хорошо «сидят на бабках». А особенно, ей нравится некий Роб. «Его зовут Роберт», – уточнил Игорь. Ему не нравилось, как мама называла дядю Роберта Гойфмана – Роб. Вроде, как созвучно с «гроб». Вечером этого дня, когда «Адмирал Нахимов» ещё стоял в Одессе и готовился к отплытию в круиз, мы с Татьяной зашли в один из баров корабля. Выпили по большому бокалу массандровского портвейна и по чашечке кофе. И это была наша последняя встреча. Нам было совершенно не о чем говорить. Более того, я ощущал, что моя Татьяна стремится в свою и понятную ей среду, к людям, которые «умеют жить», «делать бабки», где очень интересный, и наверное, очень богатый Роб Гойфман, рассказывает очень интересные истории о деньгах и дальних странах.

А что я? На палубе меня ждала толпа таких же как и я, молодых и весёлых простых отпускников великого и могучего Советского Союза. И впереди была ещё целая вечность необъятной жизни, полной приятных встреч и лёгких расставаний.

Глава 2

Танцы на цокольном этаже

Мои мысленные путешествия во времени связаны главным образом с Прошлым, впрочем, как, наверное, и у большинства граждан. Скорее всего потому, что Будущее в наш безумный двадцать первый век, туманно и непредсказуемо, несмотря на то, что мы почти всё время что-то планируем, к чему-то стремимся и т. д. Что касается лично меня, то если подумать здраво, не так уж много этого самого Будущего осталось. Зато Прошлого с каждым днём становится всё больше и больше. Не опасаясь выглядеть оригиналом, если скажу, что самыми приятными и самыми захватывающими путешествиями в Прошлое всегда бывают те, что, так или иначе, связаны с воспоминаниями о женщинах, которых посчастливилось встретить разные годы моей бурной жизни.

Своим присутствием и непосредственным участием, они делали жизнь ярче, приятнее, и, в общем, всячески обогащали и скрашивали её...

Летом 1980 года мою учебную группу (в которой по нашей специальности обучались только ребята) отправили на практику в солнечный город Николаев. Задание на прохождение практики было подготовлено заранее, обсуждено и отработано по пунктам на занятиях, утверждено руководителями практики, и в общем, сложности для нас не представляло. Нам предстояло попробовать себя в роли руководителей среднего звена, закрепить знания, навыки и умения, полученные в стенах института за два года обучения. Всё это выглядело очень интересным, поскольку появилась возможность, как было принято тогда говорить, «всё потрогать своими руками», проверить себя в «настоящем деле», а также, «пополнить свой багаж» новыми знаниями непосредственно, в ходе живой работы на производстве.

Разумеется, почти всё время было тщательно распланировано и уходило на выполнение программы практики. Но нас, людей молодых (здоровых, сильных, и не обременённых жизненным опытом), увлекали и другие, не менее интересные вещи, а именно, походы на молодёжные дискотеки города Николаева, возможные новые романтические знакомства с местными девушками для совместного и приятного проведения редких часов досуга. «Женатиков» среди нас не было, а смена обстановки, строгая договорённость ведения трезвого (только пиво) и здорового (физзарядки по утрам, плавание по вечерам) образа жизни, прекрасная июльская погода обеспечивали каждодневное прекрасное настроение.

Попривыкнув к новой обстановке, мы с приятелями освоились и с местными «достопримечательностями», в которые отнюдь не входили исторические места, музеи и концертные залы. Главными из «наших», были, конечно, во-первых, танцплощадка в городском парке отдыха, во-вторых, пивные бочки, которых в те времена было в избытке, практически на каждом углу. Но поскольку «Трезвость – каждому дню практики» был нашим основным лозунгом, то позволить мы могли себе лишь по одной кружечке, и то, когда июльское, немилосердное солнце припекало с особой силой.

Что касается интересных девушек, то они встречались практически повсюду в городе, но самыми интересными для нас были те, что приходили по вечерам на танцплощадку. В то время на просторах нашей огромной страны из всех динамиков (за исключением официальных государственных радиостанций) гремело диско, и молодой народ от души отплясывал под разные «бониэмы», «оттованы», «арабески» и прочие. Реже запускали, так называемые, «медляки», которые особенно ценились в среде мужской части студенческой молодёжи, потому как это была отличная возможность познакомиться, пригласив на танец приглянувшуюся девушку.

Но было и ещё кое-что. Примерно в это время почти на всех дискотеках страны «гоняли» сверхпопулярный диск ВИА «Весёлые ребята» с названием «Музыкальный глобус», где главная «поп-команда» СССР исполняла самые горячие западные хиты, причем, некоторые вещи на английском (!) языке. Народу нравились эти песни, и, непосредственно на танцплощадке в Парке культуры и отдыха города Николаева, диск-жокеи ставили их практически каждый танцевальный вечер.

Минула первая неделя практики, а познакомиться нам ни с кем так и не удалось. Мы, с моим другом Лёвой Чернавским безуспешно искали встреч и возможности познакомиться, но их всё не было. По правде сказать, первое время мы были довольно серьёзно загружены на «производстве», но потом стало попроще, течение практики плавно вошло в своё русло, программа выполнялась планомерно и успешно. Руководители были, в целом, нами довольны, и даже старались предоставить нам как можно больше самостоятельности и времени на отдых.

Одним субботним вечером, Лёва предложил мне вместо посещения дискотеки, просто «прошвырнуться» по городу. Другие ребята не откликнулись на наш призыв: кто занимался своими делами, кто просто валялся с книжкой в руках. Мы шли по одной из центральных улиц города, и по-моему, не очень скромно разглядывали всех встречных (и попутных тоже) девушек и молодых женщин, гуляющих поблизости.

– Вот она, – громко шепнул Лёва и кивнул на неспешно прогуливающуюся нам на встречу девушку, – совсем одна. Может, подойдём?

Уговаривать меня не пришлось.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался Лёва, и дальше прямо, без подготовки, – а почему Вы одна?

При ближайшем и более внимательном рассмотрении, мы обнаружили, что перед нами молодая, вполне симпатичная женщина, на первый взгляд, немного постарше нас. Она удивлённо переводила взгляд с Лёвы на меня, и явно была в затруднении с ответом. Действительно, почему она одна вечером идёт по городу? Глупый вопрос двух молодых дураков... Но в то время и для нашего возраста, это был почти нормальный способ познакомиться.

– А вам что, собственно, нужно? – спросила незнакомка, слегка прищурившись. Впрочем, задала свой вопрос она скорее с интересом, чем с желанием поскорее отделаться. Может быть, мы показались ей вполне приличными и вызывающими доверие молодыми людьми (сами мы считали, что так оно и было).

– Мы хотели бы с Вами познакомиться, – снова напрямую «вломил» Лёва. – Например, меня зовут Лев, а это (он кивнул в мою сторону) Александр. Мы вообще-то гости вашего города.

Мадам (или мадемуазель?) улыбнулась лишь краешком губ, и мне показалось, что она не очень-то и торопится от нас отделаться поскорее. Потому что в этот момент, мы уже прогуливались вместе, и в ту сторону, куда держала путь наша дама.

– Очень приятно, – наконец отозвалась она, – а меня Светлана.

Немного помолчала и добавила:

– ... Евгеньевна.

По ходу я украдкой присматривался к Светлане Евгеньевне. Блондинка, правильные, не лишённые приятности черты лица, немного пухлые губы, вздёрнутый носик. Невысокая, но стройная. В общем, в свете вечернего уличного освещения она выглядела очень неплохо.

– А можно мы Вас проводим к Вам в гости? – Лёва был отчаянным парнем, при этом любил ясность и определённую во всём. И то дело, чего церемониться-то? Правда, спохватившись, добавил, – ну... я немного не то хотел сказать. Ведь дома, наверное, папа, мама?

– Может быть и да, – несколько туманно, но спокойно ответила Светлана, – а что вы делаете в Николаеве?

Я сказал, что мы студенты-практиканты из львовского института культуры, а сейчас у нас свободное время, которое мы используем, наслаждаясь красотами вечернего Николаева.

Напряжение незаметно исчезло. И, постепенно, разговорившись, мы с Лёвой стали болтать о всякой ерунде, шутить и выкаблучиваться. Мне стало казаться, что Светлана (Евгеньевна? или просто Света?) уже, чуть ли не рада нашему, совершенно случайному знакомству. Мы прошли вместе ещё квартал и остановились около телефонной будки.

– Всё, мальчики, – сказала Светлана Евгеньевна, – дальше провожать не нужно. Было очень приятно познакомиться.

– Мы прощаемся навсегда? – Лёва сделал обиженное лицо, – а ведь мы в Вас так верили! Светлана рассмеялась.

– Ну, не знаю, что с вами делать... Впрочем, завтра воскресенье. Если хотите, можем встретиться, здесь же. Часиков в пять. Может быть, куда-нибудь вместе сходим.

Ну что ж, предельно ясно, и не так уж плохо! Возможно, и скорее всего, у неё есть подружка, что в складывающихся обстоятельствах было бы очень желательно. Само собой предложение мы приняли, после чего распрощались и направились к себе в общежитие.

По пути мы с Лёвой обсуждали встречу, выдвигали гипотезы, а главной задачей считали добиться, чтобы Светлана в *обязательном* порядке привела подружку, если не завтра, так в следующий раз. Поскольку, нас двое, а она одна. И, если вдруг, подружки не окажется, то нам по ходу следует решить, кому из нас выпадет удача поухаживать за Светланой. Тогда нам казалось, что мы выбираем. По молодости нам было совершенно невдомёк, что всегда выбирает женщина, и наши решения не имеют ни малейшего значения.

Так что, всё зависело только от Светланы Евгеньевны.

Но нам ничего решать не пришлось, поскольку, часто случаются ситуации, когда всё решается само собой. Так вышло и в этот раз. Был тёплый воскресный вечер, мы с Лёвой ждали в условленном месте нашу новую знакомую, и очень возможно, в скором времени возлюбленную (на время практики) одного из нас. В итоге, возлюбленная, без особых хлопот, переживаний и всяких-разных недопониманий-недоговорённостей и соперничества, досталась мне.

Когда вдалеке замаячила и стала приближаться знакомая уже фигурка, Лёва внимательно изучив кандидатку на расстоянии (взгляд у него был зоркий и наметанный), вдруг торопливо проговорил:

– Всё, Сашок, я отчаливаю. Давай, отдыхай, желаю удачи!

И пока я соображал, что к чему, и почему, собственно, Лёва отказался от участия в соревнованиях за главный приз, мой друг исчез, буквально испарился. Надо признаться, что зрение уже тогда у меня было неважное, но очки я не носил. Считал, что они мне не идут, и вообще, стеснялся. Тем временем, Светлана подошла ко мне и с улыбкой просто сказала:

– Привет, вот и я. Александр, если я не ошибаюсь?

Тут я понял, почему Лёва решил раскланяться. Светлана Евгеньевна, в сиянии солнечного дня выглядела, мягко говоря, несколько старше, чем нам показалось вчера вечером. Кроме того, её глаза рассматривали меня из-за толстых стёкол очков от близорукости. Наверное, это было совсем не то, на что мы рассчитывали изначально. Но мне что-нибудь соврать и тоже уйти было нельзя, поскольку это было бы неприлично, некрасиво, да и просто, в моём понимании, отвратительно.

– А что же твой друг? Куда он убежал? – безо всякого интереса спросила Светлана.

– Он... это... в общем, он вспомнил что ему нужно срочно (у меня на языке вертелось «в туалет») позвонить по межгороду. Вчера пришло уведомление, вот он и...

– Хоть бы поздоровался, – опять, без малейшего сожаления мягко произнесла Света. И тут же, – Ну, Саша, что в нашей сегодняшней программе?

Ничего особенного я предложить не мог. На посещение кафе или ресторана у меня просто не было денег. Просто бродить по городу тоже не хотелось, всё же целая неделя прошла в трудах по выполнению плана практики. Поэтому я просто сказал:

– Ну, мы же вчера договаривались на дискотеку?

– И? – Светлана хитровато улыбнулась и сняла очки.

– И что? – улыбнулся я в ответ.

– Пора на танцы? – снова улыбнулась Светлана. И слегка прикоснулась к моей руке.

Тут, видимо, между нами что-то произошло. Наверное, через это прикосновение мы с ней почувствовали что-то большее, нежели имелось в наличии в настоящий момент. Ощущение Близкого Будущего? Какая-то едва уловимая вспышка, на уровне подсознания. Что это было? Тогда я точно не знал, но мне показалось, что очень даже неплохо, что Лёва ушёл. Мы ещё немного помолчали, разглядывая друг друга, а потом, совершенно непроизвольно взялись за руки и побрели в сторону городского парка.

По дороге разговорились, о музыке, кино, ещё о чём-то. Про себя я думал о том, что Светлане на студенческой дискотеке будет, возможно, не очень интересно... хотя, какая разница? Никаких дальнейших планов пока, просто провести вечер вместе, потом проводить и всё. А дальше... как карта ляжет.

Позже выяснилось, что картой оказался козырный туз, а если точнее, козырная дама.

По ходу вечера мы не принимали участия в быстрых, ритмичных танцах, а вот медленные были нашими, и мы не пропустили ни одного. Я как-то сразу ощутил влекущее тело Светланы, тонкий аромат её духов кружил мне голову, а самое главное, во время танца она не старалась выдержать дистанцию, не отстранялась, а изредка, очень легонько поглаживала рукой мне спину. Вечер пролетел быстро, и я остался доволен, о чём сказал Светлане, а также выразил готовность встретиться ещё разок, если, конечно, она не возражает.

Было около одиннадцати, когда мы вышли из парка, и я повёл провожать Светлану Евгеньевну до дома. Как выяснилось, она жила в историческом старом центре города. Мы шли, снова взявшись за руки, никакого неловкого молчания и стеснения не было. Казалось, что мы встретились не во второй раз, а уже давно знаем друг друга. Через некоторое малое время подошли к небольшому старинному двухэтажному кирпичному дому за невысоким забором. Я уже хотел было попрощаться до следующей встречи, выпросив напоследок поцелуй. Но Светлана вдруг придержала меня за руку, и спросила:

– Может быть, зайдёшь?

От неожиданности я опешил, слегка зашумело в голове и пересохло в горле, от предвкушения приятного продолжения вечера.

– А как же родственники, мама и папа? – нерешительно промямлил я.

– Да нет здесь мамы и папы, они живут в другом месте. А вчера я так сказала, потому что нехорошо сразу вести домой кавалера. И даже двух. К тому же, случайно повстречавшихся на улице. Теперь я всё про тебя знаю. Так зайдёшь?

Мы оказались в маленькой комнатке на цокольном этаже двухэтажного строения, это и были «апартаменты» Светланы. В комнату вёл небольшой коридорчик, приспособленный и под прихожую, и под кладовую. В самой комнате стояли кровать, пара стульев, стол и телевизор на тумбочке. Впрочем, обстановка меня интересовала во вторую очередь, поскольку я был один на один с женщиной, хоть и новой знакомой, но в которую уже, наверное, был влюблён. Вот что было для меня, действительно, важно. Всё это действовало возбуждающе, и я, предчувствуя очень возможную близость с красивой женщиной, немного «поплыл» от лёгкого головокружения.

Относительно недавно у меня случилась пара очень близких интимных встреч с девушками примерно моего возраста, вторая из которых закончилась почти смешно, если бы не было так страшно. Тогда мне пришлось выложить двадцать пять рублей за, якобы проведённый под-

польно аборт, на который пришлось пойти моей несостоявшейся любовнице, студентке второго курса политехнического института. Через две недели после встречи в комнате её общежития, она заявила, что беременна от меня, и я должен дать денег на операцию. Разумеется, я достал двадцать пять рублей (для студента – очень крупная по тем временам сумма), и больше никогда не появлялся в той комнате. А общежитие политехнического обходил стороной, поскольку пережил сильнейший стресс от всего этого дела. Правда через месяц, кто-то из знакомых ребят за кружкой пива рассказал забавную историю об одной студентке из политеха, которая собирала деньги на аборт, и ей удалось таким образом облапошить человек пятнадцать из нашего института. Именно из нашего, поскольку в своём, насколько я понял, ей светиться с таким способом заработка было никак нельзя. Могли бы и запросто исключить из комсомола! А то и вовсе выгнать...

Эта история осталась в недалёком прошлом, и я о ней иногда вспоминал с облегчением от того, что всё так легко для меня закончилось. Даже с учётом открывшихся новых, пикантных подробностей из личной жизни занятой и развесёлой студентки-второкурсницы.

Теперь же я был в комнате у моей новой возлюбленной (любовь со второго взгляда, не иначе), и не какой-нибудь сопливой студентки, а женщины, которая мне казалась вполне порядочной, интеллигентной и доброжелательной. Ну и что, что старше? Так это же, в конце концов, именно то, что нам в данный момент нужно, правильно ведь?

Всё произошло быстро, я бы сказал, молниеносно, хорошо ещё, что успели раздеться. Признаться честно, большого опыта (мягко говоря) у меня пока ещё не было, но Светлана оказалась очень предупредительной, нежной и чувственной женщиной. Нам было хорошо, но мне хотелось, чтобы в первую очередь было хорошо ей. В какой-то момент я почувствовал, что просто обязан приложить все усилия для этого, и старался как мог. Светлана шептала какие-то приятные и заводящие словечки, и лишь однажды, когда мы остановились, чтобы передохнуть, она хитро мне подмигнула, и с улыбкой спросила:

– Слушай, а может быть ты ещё совсем пацанчик?

Я пролепетал в ответ что-то не совсем вразумительное, вроде: «молодой, но ранний» и ещё, что мне очень нравится её грудь, попа и всё остальное. А в общем, всё было очень хорошо, очень мило и очень приятно. У меня укрепилось возникшее ранее ощущение, что мы знаем друг друга уже очень долгое время. Светлана встала, чтобы попить воды, и я в свете «ночника», которым служила обыкновенная настольная лампа, с наслаждением разглядывал её обнажённую фигуру.

– Не смотри, мне стыдно, – промурлыкала она, одновременно, поворачиваясь так, чтобы я смог разглядеть её получше.

Поспать этой ночью нам так и не удалось, с рассветом я отправился в общежитие, чтобы успеть привести себя в порядок и не опоздать на завтрак, присутствие на котором было обязательным. Мы условились о следующей встрече и долго прощались в затяжном поцелуе.

Мне показалось тогда, что всё сложилось очень и очень неплохо, я ловил мгновения счастья, совершенно не задумываясь о будущем и не вспоминая о прошлом. Это был один из тех моментов, ради которых стоит жить. Любовь, внезапно озарившая моё существование, влекла меня по пустынным улицам Николаева в настоящем, прекрасном и спокойном.

За завтраком Лёва поинтересовался, завершил ли я наше знакомство со Светланой Евгеньевной и почему не пришёл ночевать в общежитие. «Небось, всю ночь по городу гуляли», выразил предположение Лёва, прихлёбывая чай. Оказывается, он прождал меня до поздней ночи, у него возник новый гениальный план знакомства с новыми интересными девушками. Я же ответил, что план это, конечно, хорошо, но его придётся слегка подкорректировать, с учётом новых обстоятельств. Не вдаваясь в подробности своих вечерних и ночных походов, я сказал лишь, что всё было «быстро и вкусно», и что я, по-моему, уже «причалил». Лёва, с присущими ему интеллигентностью и чувством такта, не стал выведывать подробности, хотя,

в силу нашего возраста юного, я мог предположить, что ему как раз очень интересно узнать эти самые подробности...

Всё пошло своим чередом. Мы выполняли программу производственной практики, и наши наставники понемногу увеличивали нагрузки. Я с нетерпением ожидал окончания каждого рабочего дня, чтобы вновь оказаться на цокольном этаже двухэтажного старинного домика, где меня ждала моя Светлана. Всё было просто прекрасно, и лишь однажды я почувствовал сильное волнение.

Как-то в перерыве между нашими любовными упражнениями, Светлана Евгеньевна сказала:

– Ты знаешь, Сашенька, мне от тебя совершенно ничего не нужно, кроме одного, – в этот момент она поглаживала ладошкой мою грудь и живот.

– Для тебя, любовь моя, всё что пожелаешь, – проворковал я, млея от удовольствия.

– Ох, не скажи, – Светлана тихонько усмехнулась и поцеловала меня в ухо, – ладно, потом скажу. А сейчас, я хочу сделать тебе очень и очень приятное. Перевернись на спину, расслабься и закрой глаза. Тебе будет хорошо.

И это было, действительно, неестественно хорошо. Понимающий народ, в особенности, мужчины, любит и ценит такие ласки, и я потом хотел сделать нечто подобное в ответ, но моя возлюбленная не позволила, сказала, что может быть, в следующий раз. Потом встала, включила электрочайник. Воздух в комнате наполнился ароматом кофе. Это был простой, самый распространённый в то время индийский растворимый кофе, но запах был очень хороший. Затем достала из тумбочки стола бутылку с коньяком, и понемногу налила в каждую чашку. Нажала на клавишу воспроизведения музыки на магнитофоне «Весна – 201». Из динамика раздались ритмы группы «Вопну М», самой популярной дискотечной группы Советского Союза.

– Можно было бы и потанцевать, – подмигнула мне Светлана, – совсем голышом... Но мы для этого слишком трезвы.

И рассмеялась, глядя на глупое выражение моего лица. Ну... танцевать в голом виде под «Вопну М», мне ещё не приходилось, это точно.

– Но ты можешь себе это представить, – добавила она, – зато будешь меня вспоминать, когда услышишь эту музыку.

И мне, действительно, хватило одной мысли, чтобы снова возбудиться, но Света сказала:

– Оставь на завтра. Завтра будет тоже очень-очень хорошо, а может быть даже и лучше, – и поцеловала меня в нос.

Я пил кофе с коньяком и воображал, как мы с ней танцуем здесь в тёмной комнате цокольного этажа... Неплохо, в общем, но как-то нелепо. Ладно бы, ещё медленная композиция, а тут «*Rau-rau Распутин, лOVER оф ве рашен куин!*». Хотя...

– Ты говорила, что тебе что-то хотелось от меня? – вспомнил я. – И что? Ты только скажи! Мне бы очень хотелось тебя чем-то порадовать.

Светлана вдруг стала грустной и сосредоточенной. Потом печально заглянула мне в глаза.

– Мне от тебя ничего не нужно, Саша, – повторила она, присев на стул, – только вот если, ребёночка... Но ты не думай, от тебя совершенно ничего больше не потребуется... никаких обязательств, клянусь тебе. Понимаешь, мне очень нужен ребёнок. Я ребёночка хочу... он мне иногда даже снится... мальчик... на тебя похожий.

У меня «ёкнуло» сердце, но я ничего не сказал в ответ, только закурил и продолжал потягивать кофе с коньяком. Это был первый раз, когда мы «употребляли». Наши отношения, которые длились уже вторую неделю, носили совершенно трезвый характер, и это меня вполне устраивало. Изредка мы с ребятами выбирались попить пива, но у Светланы я всегда был совершенно трезв.

Очевидно, Света не ждала от меня немедленного ответа, но за моей реакцией на это сообщение наблюдала внимательно. Наверное, специально для этого надела очки. Мы с ней оба были близоруки, и оба старались не носить очки. Между тем она продолжила.

– А знаешь, меня ведь зовут не Светлана...

Я снова был немного сбит с толку, но постарался виду не подавать. А пусть бы и не Светлана, что это, в сущности, меняет? Но выяснилось, что её имя, хотя и с неожиданной стороны, тоже имеет значение, в русле темы о ребёнке. О ребёнке, иметь которого мне по возрасту было ещё явно рановато, а ей – в самый раз. Тем не менее, я вопросительно посмотрел на Светлану.

– Меня зовут Сталина, – продолжила моя Любовь, – родители так называли меня в честь Сталина... Как ты понимаешь, он был ещё жив, когда я родилась, и даже, вполне здоров. А Светланой я представляюсь, для того, чтобы не отвечать на глупые вопросы.

Вот, собственно, и ответ на вопрос о возрасте, который, впрочем, меня не очень-то и волновал. Оказалось, что Сталина старше меня примерно на десять лет, а значит, на десять лет мудрее, умнее и опытнее. Она хотела, чтобы между нами не было никаких недоговорённостей, прекрасно осознавая, что в последующем это может закончиться чем-то нехорошим. Ей хотелось, чтобы всё было определённо и ясно, поэтому и сказала мне о своём желании прямо, хотя могла и не говорить, учитывая, что нам оставалось быть вместе немногим больше двух недель. И получить то, что ей было нужно без моего согласия, прекрасно понимая, что в силу разницы в возрасте, наша связь могла окончиться в любую минуту и по любому поводу. Я был слишком молод для понимания таких серьёзных вещей, как создание собственной семьи, детях, обязанностях и прочем. Светлана-Сталина тоже была молода с точки зрения старшего поколения, но для меня она и была «старшим поколением». Вполне могло случиться так, что кроме того, что нам вместе хорошо в постели, нас больше ничего бы не связывало. У меня пока ещё гулял ветер в голове и Сталина это чувствовала. Тем не менее, ей хотелось, чтобы между нами всё было честно и чисто. Я не знаю точно, успела ли Сталина полюбить меня за такой короткий срок, но тёплые волны, исходящие от неё докатывались до меня постоянно, я их ощущал и грелся в них. Она подошла ко мне и села на колени, мягко обняла рукой за шею, привлекла к себе, стала долго и нежно целовать. В ответ я поцеловал её грудь и лизнул за ушком.

– О, кажется, мой мальчик снова в готовности, – улыбнулась Сталина, – ну что с тобой делать... Ложись и расслабься, я постараюсь сделать тебе эротический массаж, а то ведь, потом не уснёшь, там у себя в общаге.

В этот вечер мне обязательно нужно было вернуться в общежитие, на девятнадцать часов была назначена встреча с ответственным руководителем практики, для обсуждения вопросов, связанных с подготовкой отчётов по итогам работы.

До окончания моего пребывания в Николаеве, мы встречались со Сталиной каждый день. Иногда я оставался у неё ночевать, иногда возвращался в общежитие. Между нами всё было так же хорошо, наполнено любовью, встречи приносили обоюдную радость. Хотя вопрос о ребёнке больше не возникал. Лёве так и не повезло встретить подходящую временную подругу, впрочем, он и не особенно переживал по этому поводу. Один раз он всё же заинтересовался, как у меня дела со Светланой Евгеньевной. А именно, что мне позволено и чего не позволено. Что её привлекает в «этом смысле», и как я себя веду в разных ситуациях. Я ушёл от прямых ответов, и больше на эту тему мы не говорили.

Практика подходила к концу как-то незаметно, но неотвратимо. И это очень расстраивало меня, до тех пор, пока я не принял решения приехать в Николаев ещё раз, во время летних каникул, которые следовали сразу за практикой. Я сообщил об этом Сталине в день отъезда, когда мы сидели в её комнате за «прощальным» ужином. На столе стояли вазочка с жёлтыми розами («символ расставания и грусти», пояснила Сталина) и бутылка сухого вина. На мой вопрос, не возражает ли она, если я вновь, недели через две, появлюсь в её жизни, Сталина лишь улыбнулась и легонько поцеловала меня, погладив тёплой ладошкой по щеке.

– Я теперь буду всегда ждать тебя, мой милый. Через две недели, через год... Когда бы ты не приехал. Только ты обязательно возвращайся. Всегда возвращайся, понимаешь?

Я думал, ещё немного, и она заплачет, чего бы мне вовсе не хотелось, поскольку это могло бы оставить тяжёлый след в моём сердце. Я не знал наверняка, но чувствовал, что уже чем-то обязан Сталине, во всяком случае, как минимум, ещё раз приехать. Но Сталина не заплакала. Она лишь распорядилась, чтобы я быстро разделся, лёг на кровать, закрыл глаза и расслабился.

Наша любовь просуществовала ещё около двух лет. Во время летних и зимних каникул, я стремился в Николаев. Сталина пару раз приезжала во Львов. Всё это время сопровождалось очень тёплой, временами трогательной и искренней перепиской, наполненной любовью и нежностью. Редкие встречи носили страстный и бурный характер. Но я, и, думаю, Сталина, где-то в глубине души осознавали, что чего-то очень важного, всё-таки не хватает, а значит и отношения продолжения иметь не могут.

Всё окончилось быстро и печально.

Однажды Сталина приехала в командировку во Львов и остановилась в гостинице, в центре. Мы встретились, заглянули в кондитерский отдел, купили торт и поднялись к ней в номер. Вскипятили чайник, нарезали торт... и всё. Как будто из сосуда выкатилась последняя капля. Нам было просто нечего сказать друг другу. Наверное, я всё же, не оправдал её ожиданий, никак не мог дать то, что ей нужно, поскольку не был готов, а время уходило. И, для Сталины я стал «неперспективным», ни как человек, с которым можно было бы связать дальнейшую жизнь, ни даже, как безответственный отец возможного будущего ребёнка. Похоже, что мы оба поняли это там, в гостиничном номере.

Продолжения чаепития не последовало. Мы вышли из номера, Сталина проводила меня до входных дверей гостиницы и мы расстались.

Навсегда.

Теперь уже прошла целая жизнь с той счастливой поры, но я часто с теплом и чувством благодарности вспоминаю мою Светлану. Солнечный город Николаев начала восьмидесятых годов, и наш танец в комнате цокольного этажа.

Глава 3

Под душем в госпитале

Во время учёбы в институте на втором курсе, я заболел. Дело приняло серьёзный оборот, поскольку, после того, как я «поймал» лёгкую простуду, то не принял соответствующих мер, рассчитывая на то, что как-нибудь «само пройдёт». Был октябрь месяц, и нас целыми курсами отправляли на уборку урожая картофеля в окрестных колхозах. На одном из таких выездов, я, что называется «уработался», а потом напился холодной воды из колодца. Я не сразу обратил внимание на лёгкое недомогание, и продолжал ходить на занятия, заниматься общественной работой, поскольку был комсомольским активистом.

Между тем, состояние здоровья с каждым днём становилось всё хуже. Мокрота, которая стала буквально душить меня, была плотной, густой, неопределённо-противного цвета. Кашель, попеременно с хрипами в лёгких становился глубоким и затяжным. Когда стало совсем невмоготу, я всё же отпросился с занятий и пошёл в медпункт. Одного взгляда опытного доктора хватило на то, чтобы определить моё состояние. Мне измерили температуру, послушали лёгкие (к этому времени мой кашель стал постоянным), и решили, что меня нужно немедленно госпитализировать.

В ходе решения вопроса об определении меня на лечение, выяснилось, что одна из машин на выезде, а вторая в ремонте. Нужно было подождать. В общем-то, могли меня отправить и на общественном транспорте, в сопровождении фельдшера, но видимо, я был настолько плох, что дежурный врач не решился взять на себя такую ответственность.

Пока шёл «консилиум», я обратил внимание на то, что в приёмном кабинете есть городской телефон и попросил разрешения позвонить. Во Львове у меня были дальние родственники, и дядя (я его называл дядей) Юра, он же, полковник Юрий Борисович служил в штабе округа. Я позвонил по домашнему номеру, и попал на Валентину Ивановну, его жену, и значит, мою тётю. Сказал, что меня хотят положить в больницу, и что у меня, возможно, подозрение на воспаление лёгких. Валентина Ивановна строго меня отчитала за то, что не сообщил раньше, и вообще, «пропал на две недели». Она считала себя ответственной за меня перед моей мамой. Попросила передать трубку дежурному врачу. Они коротко переговорили, но о чём я не понял, потому что действительно, чувствовал себя паршиво. Меня тем временем уложили на кушетку в соседней комнате, и я «плавал», где-то между сном и бодрствованием, периодически отхаркивая буро-зелёную слизь. И это было отвратительно.

Минут через пятнадцать за мной пришла фельдшер, которую назначили в сопровождение.

– Ну всё, собирайся, – сказала она, подавая мне куртку, – поедешь в военный госпиталь.

Как мне стало известно потом, Валентина Ивановна перезвонила Юрию Борисовичу на службу, и он, практически мгновенно решил вопрос о направлении меня не в гражданскую лечебницу, а в ведомственный военный госпиталь, точнее, в один из небольших его филиалов. Он же и прислал за мной машину – военную «санитарку».

Примерно через час, я получил первый укол пенициллина, лёжа в палате для «тяжёлых», и узнал, что меня будут колоть раз в четыре часа.

Потом я провалился в глубокий сон.

Облегчение, причём существенное я ощутил уже на четвёртый или пятый день интенсивного лечения. Я почти всё время спал. Помимо, собственно, болезни, сказывалась усталость от нагрузок в институте, на младших курсах с нами особо не церемонились. И если местные

ребята и девчонки жили дома, питались лучше и имели возможность выспаться на домашних диванах, то нам, иногородним студентам, всегда чего-то не хватало, то вкусно и плотно покушать, то просто выспаться. Денег катастрофически не хватало тоже. Многие ребята устраивались на подработку: кто разгружал вагоны на товарной станции, кто трудился на плодово-овощной базе. Я нигде не подрабатывал, поскольку был в достаточной мере загружен общественными нагрузками, которые, лишь на первый взгляд казались пустяковыми. В действительности, эти самые «нагрузки» отнимали много сил и времени.

В нашем отделении проходили лечение офицеры, солдаты из разных воинских частей львовского гарнизона и курсанты высшего военно-политического училища. Это были ребята примерно моего возраста, так что я приобрёл нескольких друзей-приятелей, когда почувствовал себя немного лучше.

Примерно через десять дней навестили ребята из моей учебной группы, Юрка Сало и Сашка Сухой, принесли немного фруктов и книги. Пока я с ними общался в комнате для посетителей, успел заметить, что они на меня поглядывают с лёгкой завистью, мол, попал на «курорт». Затем приходила Валентина Ивановна. Сказала, что выгляжу я, в общем, неплохо, но всё же, какой-то «страшненький» и бледненький. Прощаясь, она мне строго указала на то, что я должен, во-первых, следить за своим здоровьем, а во-вторых, не забывать звонить и сообщать как дела.

Потом приезжала мама, привезла целую сумку деликатесов. Она была очень взволнована, хотя её приезд пришёлся на время, когда я был уже в процессе выздоровления, достаточно отдохнувшим и весёлым. В общем, я вдруг почувствовал повышенное внимание к своей скромной персоне, и мне это было очень приятно.

В один из дней старшая санитарная сестра сообщила, что сегодня моя очередь дежурить. Это означало, что из числа «молодых выздоравливающих» назначалась группа, в обязанности которой входила уборка территории филиала, наведение порядка в местах общего пользования и ещё кое-какие хозяйственные дела. Меня отрядили на оказание помощи в «пищеблок». Там управлялась весьма задорная, бойкая и весёлая молодая «хозяйка», по имени Елизавета. Она готовила завтрак, обед и ужин для всего отделения, но не в полном смысле этого слова. Готовые блюда привозили из центрального госпиталя, нужно было лишь разогреть и разложить по порциям, в соответствии со специальными предписаниями. Елизавета была высокой и стройной блондинкой с короткой стрижкой, аккуратно убранный под белую шапочку. И хотя, особой привлекательностью не отличалась, была заводной, и, что называется, с «чёртиками» во взгляде светло-серых глаз.

Разумеется, она была центром внимания наших больных, в первую очередь молодёжи. Ей это внимание нравилось, и она ещё больше подстёгивала интерес к себе разными хитрыми уловками. Одному заманчиво подмигнёт, другого потреплет по щеке, третьему положит в тарелку побольше еды. В общем, она была эдакой своеобразной «суперзвездочкой» в нашем суровом мужском коллективе.

Я пришёл в «пищеблок» и спросил у Елизаветы, чем могу быть полезен.

– О, Малый прыйшов! – обрадовалась Лиза, будто мы уже были с ней давно знакомы. – Малый! В тэбэ щёки розови, Цёмчык!

Рассмеялась, легонько ущипнула меня за нос и защебетала. Она говорила на каком-то трудно вообразимом, но в общем, понятном и приятном сочетании украинского, польского и русского языков. Для начала, мне следовало перемыть посуду после обеда. Пока я мыл тарелки, чашки, Лиза, напевая «Нэсе Галя воду», занималась остальными делами на «камбузе». После того, как с посудой было покончено, мне вручили швабру и тряпку, и я помыл полы в обеденном зале. Затем мне было предложено протереть столы и постелить свежие ска-

терти. Всё это было для меня не в тягость, более того, я испытывал некое приятное возбуждение, сам не зная от чего.

Когда все основные дела были завершены, мы присели рядышком на низенькую лавочку в небольшой проходной подсобке, передохнуть.

Лиза опять защебетала. Она рассказывала о том, что ей нравится и что не нравится, о том, что любит всякие шутки и песни и что уже давно работает здесь, в военном госпитале, а живёт далековато и часто приходится оставаться на ночь, для того, чтобы успеть накрыть завтрак. Я слушал, не перебивая, и продолжал испытывать глубокое волнение, оттого что сидел рядом с Елизаветой, очень возможно, «мечтой» многих больных и выздоравливающих нашего отделения...

И вдруг, совершенно неожиданно, она запустила горячую, чуть шероховатую ладонь в открытый ворот моей госпитальной пижамы, и стала поглаживать мне грудь, слегка надавливая на сосок. Это было неестественно хорошо, да настолько, что моё волнение перешло в лёгкое головокружение.

– Ну, Малыш! Ох, Малыш! – приговаривала Елизавета. Потом обхватила мне шею рукой и стала целовать в лицо, в губы. Я совершенно растерялся, и превратился в нечто аморфное и послушное. Лиза же, всюду развлекалась в своё удовольствие. Совершенно взбудораженный, я совершенно растерялся. Мне было не очень понятно, как вести себя в этой ситуации. Раньше со мной не случалось ничего подобного. На этаже стояла тишина, было время послеобеденного сна, и весь народ тихо дремал в своих палатах...

Елизавета, казалось, заводилась всё больше и больше. Она продолжала меня щупать и тискать в объятиях, целовать. Дёрнула за уши, щёки и таскала за волосы, мне же было, немного больно, но очень и очень приятно. Потом Лиза торопливо расстегнула блузку, прижала мою голову к обнажённой груди и зашептала:

– Ну, Малыш, ну, вкусы! Вкусы!

Я стал легонько покусывать ей соски, периодически облизывая грудь языком. Лиза тихонько постанывала, периодически, оттаскивая за волосы мою голову. И нам всё было мало, и мы никак не могли остановиться. В коридорах корпуса по-прежнему было тихо...

– Ох, Малыш! – наконец моя новая, но уже очень близкая знакомая, откинулась на стенку, – устала... Як же ж гарно... Прыхдь завтра. Допоможи мэни, як зараз. Я черговий скажу. Прыйдешь, Малыш?

Она чуть с хитрецей заглянула мне в глаза.

– Приду. Конечно, приду, если мне скажет дежурная.

В течение всей недели, я ходил в «пищеблок», где помогал Лизе по хозяйству. После чего, мы запирались в кладовой, где с тихой страстью наслаждались друг другом. Впрочем, дальше диких необузданных ласк и горячих поцелуев, дело не шло. Я всё же стеснялся, ведь Лиза, как-никак была взрослой, опытной женщиной, у которой, кстати, имелся ребёнок (о чём я узнал позже), а я всего лишь молокососом-второкурсником. Парочка интимных встреч, что у меня случились со студенткой политехнического института не в счёт. Тогда всё происходило слишком быстро, в комнате, где за стенкой хохотали подружки, гремел магнитофон, и постоянно хлопала дверь в общий коридор.

Здесь было совсем другое дело. Тишина, вполне уютная обстановка в полутёмной кладовой госпитальной столовой, Лиза с аппетитными формами и искрящимся взглядом. Мне было хорошо с ней, и ей думаю, тоже. Но ни она, ни я к полной близости не стремились. Я боялся оказаться не вполне состоятельным в этом отношении, то бишь, показаться Лизе не очень хорошим любовником из-за отсутствия практики и опыта в этом деле, а Елизавета, возможно, опасалась ненужных проблем...

А однажды, когда я у себя в палате валялся на койке, перечитывая «Войну и мир», дверь открылась, и на пороге возникла Прелестная хозяйка «пищеблока». В руках Лиза держала полотенце и мыльницу. Она мельком взглянула на соседние койки, которые в этот момент пустовали, потом прочиркала:

– Мальй, пишли зи мной в душ, разом помыемся! Потрёшь мэни спинку!

И рассмеялась:

– Давай, швидче!

Меня так и подбросило на койке, бешено заколотилось сердце, и я уже было вскочил. Но... что-то меня остановило. Неужто, здравый смысл? Во-первых, середь бела дня. Если душевая занята, то вполне может образоваться очередь. И что скажут немые больные очередники, если, вдруг, дверь душевой откроется, из которой вынырнет мокрая женщина – всеобщая любимица, а за ней «милый друг»? А во-вторых, вдруг поблизости окажется кто-нибудь из руководства отделения, или та же дежурная сестра? В общем, я не решился сразу последовать за Елизаветой, хотя почувствовал сильнейшее возбуждение.

Елизавета ещё мгновение смотрела на меня в ожидании, потом прижала указательный палец к губам: «Т-с-с...», и исчезла. Я ещё некоторое время лежал, раздираемый противоречивыми чувствами и смутными, низменными желаниями. В голове возникали непотребные картинки, на предмет совместного с Лизой принятия душа.

И всё же я сдался. Взял мыло, полотенце и направился к душевой комнате.

Из-за закрытой двери доносился плеск воды и пение. Елизавета исполняла свою любимую «Нэсе Галя воду» с вариациями в конце куплета, что-то вроде: «Ёй, Ганцю, Ёй!». Я осмотрелся, выглянул в коридор и тихонько постучал. Никакой реакции. Тогда я постучал немного громче и сказал: «Лиза, открой, это я». В ответ: «Поки що заньято! Почикайтэ!» И я ждал, но Лиза так и не впустила меня в душевую. Может быть, из-за шума воды не узнала голос? А может быть, всё это было просто шуткой.

Наконец, дверь открылась, и вышла Елизавета, с обмотанным вокруг головы полотенцем. Проходя мимо, ущипнула меня за щёку.

– Съёдни прийдешь? Я зальшаюсь на ничь. Прыходь в пивдевёного. Як раз ныкого не будэ.

Потом легонько щёлкнула меня по носу, и грациозно виляя бёдрами, удалилась. Я зашёл в душевую, почувствовал приятные запахи шампуня и едва уловимый аромат женского тела. И в общем, остался доволен, вечер обещал быть волнующим и приятным.

После ужина, где-то часиков в семь народ расселся в «комнате отдыха» у телевизора. Показывали фильм 1975 года «Бегство мистера Мак-Кинли». Я решил, что как раз посмотрю фильм и успею на свидание. И, незаметно для себя, увлёкся фильмом, который меня просто поглотил. В эпизодах снимался, и исполнял свои песни сам Владимир Высоцкий. Донатос Банионис играл главную роль, и был неподражаем, а сама идея фильма мне показалась очень глубокой и волнующей. Честно говоря, я себя уже тогда считал натурой творческой, и полёт мысли в хорошем фильме или книге, меня просто завораживал. Возможно, я и ошибаюсь, но мне кажется, что это был первый и последний показ этого шедеврального образца советского кино по главному каналу советского телевидения в те годы. Впрочем, дело было во Львове, и это, может быть был какой-то местный канал... я не запомнил. Но в последующем, я его ни разу не видел, ни по телевидению, ни в кинотеатрах.

Фильм оказался длинным, и я, конечно же, опаздывал на встречу со своей возлюбленной, но уже твёрдо принял решение досмотреть его до конца. И не ошибся – финал меня сразил наповал... Это там, где мистер Мак-Кинли, оказавшись в Будущем, бежит по пустынной, выжженной пламенем атомной катастрофы земле, и кричит: «Господи! Прости меня за то, что я сделал!»

Наконец фильм окончился. Теперь нужно было дожидаться, пока народ разойдётся по палатам. А потом ещё, пока дежурная сестра совершит свой обход с лекарствами, и, наконец, объявят «отбой». В результате, я не «в пивдевёного», ни «в пивдесёного» в «пищеблок» не попал. Из палаты удалось выскользнуть только около половины одиннадцатого.

Я легонько постучал в дверь подсобки, которая тут же распахнулась. Елизавета, схватила меня за куртку и втащила внутрь. Усадила на стул, сама забралась ко мне на колени, и мы занялись, уже привычными ласками. Правда на этот раз всё было немного по-другому, более раскованно, более открыто, что ли. И, вскоре, мы всё же, взлетели, благодаря стараниям Лизы, и она сумела сделать это без непосредственного контакта. Я немного «поплавал в облаках радужных», и мы на некоторое время успокоились. Потом всё повторилось ещё раз.

Нам было хорошо... и этот раз оказался последним.

Не могу точно сказать, что стало причиной окончания нашего госпитального романа. Может быть, кто-то всё-таки обратил внимание на то, что я (именно я, а не кто-то другой) слишком часто бываю в «пищеблоке», и Елизавета стала опасаться за свою репутацию. А может быть, заметив меня в компании курильщиков (тогда курилка находилась прямо в корпусе), Елизавета могла предположить, что я способен рассказать приятелям о своих похождениях. Но после той ночи, меня на помощь к Елизавете больше не направляли, и она, словно забыла о моём существовании. Во время завтрака, обеда и ужина, она слишком спокойно и как-то отстранённо подавала мне блюда, почти не разговаривала, и как мне показалось, была несколько напряжена.

А однажды, зайдя в столовую, в «неурочное время», я обнаружил, что моей возлюбленной помогает другой парень. Возможно, сержант-сверхсрочник, или даже, прапорщик, поскольку выглядел он старше, и гораздо мужественнее, чем я. Я попросил две чашки (нам с одним приятелем удалось раздобыть бутылку портвейна). Лиза, как ни в чём не бывало, протянула две фарфоровые чайные чашки со словами: «Потим принэсэш, зальшы тут на столи».

А я, как ни в чём не бывало, взял чашки, радостно (как дурак) улыбнулся, и пролепетал «Дякую, пани».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.